

2020-54

W

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ Ч. АЙТМАТОВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Ж. БАЛАСАГЫНА**

**БИШКЕКСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ К. КАРАСАЕВА**

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 10.18.575

**На правах рукописи
УДК – 811. 161.1 (575.2) (043.3)**

СОРОНКУЛОВ ГУЛЬЖИГИТ УМАРОВИЧ

**ПРОБЛЕМА ВСТРЕЧИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ВОСТОКА И ЗАПАДА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ А.С. ПУШКИНА**

10.01.03 – литература стран зарубежья (русская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
*диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук*

Бишкек – 2020

Диссертационная работа выполнена в отделе Кыргызской литературы Института языка и литературы имени Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики

Научные консультанты:

Акматалиев Абдылдажан Амантурович
академик, доктор филологических наук, профессор, директор Института языка и литературы имени Ч. Айтматова Национальной Академии наук Кыргызской Республики;

Шейман Лев Аврумович,

доктор педагогических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Айтбаева Гульнара Амановна,
доктор филологических наук, директор культурно-исследовательского центра «Айгине»

Омирхан Абдиманулы,

доктор филологических наук, профессор,
декан факультета филологии и мировых языков КазНУ имени аль-Фараби

Мишудлин Ким Мугаллимович,

член-корреспондент Академии Наук Республики Татарстан,
доктор филологических наук, профессор, директор Института языка и литературы им. Галимджана Ибрагимова Академии Наук Республики Татарстан

Ведущая организация:

Кафедра истории и теории литературы
Кыргызско-Российского славянского университета имени Б.Н. Ельцина. Адрес: 720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, проспект Чуй, 44, каб. 422.

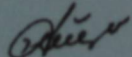
Защита диссертации состоится 24 января 2020 года в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 10.18.575 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора (кандидата) филологических наук при Институте языка и литературы имени Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына и Бишкекском государственном университете имени К. Карасаева.

Адрес: 720071, г. Бишкек, проспект Чуй, 265а.

С диссертацией можно ознакомиться в Централизованной научной библиотеке Национальной академии наук Кыргызской Республики (720071, г. Бишкек, проспект Чуй, 265а), в библиотеке Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына (720033, г. Бишкек, улица Фрунзе, 547), в библиотеке Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (722044, г. Бишкек, проспект Мира, 27) и на сайте Диссертационного совета <http://sovet.aytmatov.tk> Код онлайн: 647-681-3246.

Автореферат разослан «24» января 2019 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

 Байсаева Н.Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Наша диссертация посвящена проблеме восточных интересов А.С. Пушкина и прояснению некоторых ориентальных мотивов в его творчестве. Глубоко интересуются этим вопросом на протяжении почти 200 лет представители российско-советского и мирового пушкиноведения.

Погружение Пушкина в мир Востока произошло «...не только от чтения восточных поэм Байрона, но и от непосредственных впечатлений от татарско-мусульманского Крыма» [Благой Д.Д. Душа в заветной лире. – М., 1979. – С. 29], от его странствий по югу России.

«Обращение Пушкина к Востоку, интерес к культуре и природе нового для него мира, – по утверждению академика РАН Е.П. Чельшева, – в определенной мере было связано также и с развитием востоковедной науки в России, сопровождавшейся активной деятельностью переводчиков восточной литературы на русский язык» [Чельшев Е.П. Пушкин и мир Востока. – В кн.: Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 22].

Этим вопросам были посвящены и работы кыргызских исследователей – "Пушкин и киргизы" Л.А. Шеймана (1963); "Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина" (1996, 1997, 2004) и «Пушкин и его современники: Восток – Запад» Л.А. Шеймана и Г.У. Соронкулова (2000); «Кыргызы и лейтмотив «Восток – Запад» в художественной аксиологии Пушкина» Г.У. Соронкулова (2012). В этих работах авторы стремились прояснить:

- чем в каждом конкретном случае оказывалось содержание интереса Пушкина к народам Востока и к их культуре;
- каково было отношение поэта к тем сторонам жизни и духовного мира этих народов, которые привлекали его творческое внимание;
- каким особым художественным смыслом наполнялись подобные мотивы в его произведениях?

Эти вопросы рассматривались учёными преимущественно в русле движения художественной и научной мысли Пушкина на путях осмысления и интерпретации сквозной для него проблемы – проблемы "Восток – Запад".

Пристальный и интенсивный интерес к Востоку захватил литературы Европы на рубеже второго и третьего десятилетий XIX века. Именно тогда появились "восточные поэмы" Байрона и "Западно-восточный диван" Гёте.

* Термин ориентальный (от лат. orientalis) здесь и далее, как это принято не только в специальной литературе, используется нами как синонимичный определению "восточный".

Именно Гёте «сумел творчески, во всем блеске своей поэтической индивидуальности органически соединить достижения двух культур – восточной и западной» [Михайлов А.В. Поэзия «Западно-восточного дивана» в русских переводах // Иоганн Вольфганг Гёте. Западно-восточный диван. – М., 1988. – С. 683].

Пушкин, конечно, не оставался в стороне от общеевропейского культурного процесса. Исследователями раскрыто собственно художественное своеобразие поэтической системы Пушкина уже в тот период, в частности – преодоление "романтического субъективизма" Байрона [Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – С. 10 и след.].

Отмечая близость устремлений Пушкина и Гете в поисках "западно-восточного синтеза", они считали «Подражания Корану» началом этого синтеза в пушкинской лирике [Брагинский И.С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте. – В кн.: Гёте И.В. Западно-восточный диван / Издание подготовили И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. – М.: Наука, 1988. – 1) с. 585 – 599; 2) с. 117 – 126].

Но как соединялись такие творческие поиски Пушкина с одновременным – и характерным именно для него – повышенным вниманием к контрастирующим, а нередко и остроконфликтным сторонам в политических, этических, религиозных, общекультурных, бытовых взаимоотношениях двух, во многом принципиально различных миров, Востока и Запада? Этот вопрос пока не получил достаточно адекватного освещения применительно к ряду пушкинских произведений.

Между тем соприкосновение народов и цивилизаций Европы и Азии на протяжении столетий фактически, в реальной действительности, все-таки сопровождалось как взаимопроникновением, так и конфликтами, – как притяжением, так и отталкиванием.

А время предпушкинское и пушкинское – для России было как раз периодом резкого обострения международных и межцивилизационных конфликтов внутри государства и за его рубежами. Особое геополитическое положение России – как державы одновременно и европейской, и азиатской – во многом, наряду с другими факторами, и предопределило коллизии на обоих флангах, как на восточном, так и на западном. На Востоке это были война с Турцией и Персией, завоевание Крыма и Кавказа, осложнения в регионах "киргиз-кайсацких степей" и Поволжья. На стыке Европы и Азии это были конфликты из-за поддержки греческого и балкано-славянского национально-освободительного движения. На Западе – конфронтация с вначале революционной, а затем буржуазно-монархической Францией и с новой идеологией, последовательно стимулировавшей общественно-политические

преобразования в Европе; антинаполеоновские войны; достаточно острая для того времени польская проблема. На обоих флангах государственные интересы России постоянно сталкивались с открытым противодействием или с плохо скрытым соперничеством самых влиятельных в то время европейских держав во главе с Великобританией.

Современные великому русскому поэту острее политические, общественные, культурные противоречия в то время воспринимались российским обществом, по большей мере, именно в категориях столкновения начал "Запада" и "Востока". Причем, в первую очередь, столкновения христианского и мусульманского миров.

А как же сам Пушкин осмысливал и переживал эту проблему?

Какие побуждения тянули его к тому, чтобы сопоставлять традиционные символы цивилизаций, конфликтовавших между собою веками, – и какой смысл вкладывал он в подобное соположение?

Как он, русский патриот, с самого раннего детства гордившийся воинской славой России и своих предков, но в то же время и поэт, всю жизнь стремившийся к обретению и утверждению гармонической картины мира, определял свое место в конфликтах и диалогах Востока и Запада?

И с какими особенностями художественной системы Пушкина связаны эти его творческие решения?

Многое в занимающей нас проблематике представляется уже проясненным авторами этих и других работ.

Но, как известно, за каждым словом у Пушкина, по известному определению Гоголя, открывается бездна пространства. Пушкинский художественный мир и то его пространство, которое обозначено проблемой "Восток – Запад", по-прежнему таит немало загадок, привлекая внимание исследователей.

Новый жизненный и культурный опыт зачастую позволяет исследователям подойти к ним со свежим – хотя бы в некоторых, но существенных нюансах – взглядом.

Поэтому в диссертации, наряду с давно оправдавшими себя, обычными путями исследования, нами предпринята попытка использовать и не во всем традиционные или не применявшиеся пока коллегами с достаточной степенью детализации методологические подходы.

Это, во-первых, – обращение к устойчивым особенностям пушкинского словоупотребления в интересующих нас сферах.

Во-вторых, в отдельных случаях рассмотрение изучаемых текстов Пушкина, – как завершённых, так и сохранившихся в черновых фрагментах, – как органических частей единого пушкинского мира. То есть – рассмотрение этих произведений в разных контекстах. В "малых" (текстовое микроокружение, включая рукописные варианты основного

текста; связи внутри данного произведения); в "средних" (совокупность произведений автора как системы межтекстуальных взаимосвязей); в "больших" (отечественная и мировая культура в восприятии поэта).

Таким образом, для осмысления интересующих нас аспектов эмоционально-смыслового содержания пушкинских произведений возникает необходимость не только углубляться в их текст, но и выходить за его пределы – к другим текстам и контекстам. Подобный подход согласуется с некоторыми методологическими идеями М.М. Бахтина. "Понимание", по его концепции, есть и соотнесение с иными текстами и переосмысление в новом контексте..."; "В произведение входит необходимый внетекстовый контекст его" [Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 364, 369].

В работе мы прибегаем к выдвиганию и обоснованию научных гипотез. Обращение и к таким путям исследования применительно к проблематике нашего исследования представляется неизбежным по многим причинам. Есть события творческой жизни Пушкина, которые можно только реконструировать путем сопоставления, осмысления и переосмысления различных, в том числе косвенных, данных. По утверждению Л.А. Шеймана, "Сама специфика художественной образности, особенно образности символической, к которой поэт нередко обращался, размышляя о встречах Запада и Востока, – ее многослойность, многозначность, порой намеренная недосказанность – побуждает к рассмотрению различных, как высказанных ранее, так и возможных вариантов понимания пушкинских текстов (тем более, текстов не завершенных), к прояснению своеобразия авторской позиции – в ее динамике и вероятной перспективе развития" [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. "Пушкин и его современники: Восток – Запад": Очерки / Под общ. ред. Л.А. Шеймана. – Б., 2000. – С. 10].

Приходится учитывать и цензурные соображения Пушкина, в том числе факты его автоцензуры, о которых он часто упоминал. Но, выдвигая какую-либо гипотезу, мы оговариваем предположительность развиваемых нами соображений, стремимся развернуто аргументировать их, не выдавая за окончательную истину. Обсуждение этих гипотез, мы надеемся, в какой-то мере будет способствовать приближению к ее разрешению. В этом и состоит актуальность темы диссертации.

Связь темы диссертации с основными научно-исследовательскими программами. Работа выполнялась в формате общей темы КРСУ им. Б.Н. Ельцина "Безопасность Кыргызстана"; связана она и с проблематикой основных научно-образовательных центров страны – ИЯИЛ им. Ч.Т.

* В рабочем порядке мы говорим в работе и о "большом" контексте творчества Пушкина, имея в виду взаимосвязи внутри всего корпуса пушкинских произведений, то есть "среднее" звено данного триединства.

Айтматова НАН КР, КНУ им. Ж. Баласагына, с госбюджетными проектами Министерства образования и науки КР.

Цель исследования: доказать, что Пушкин в своих творческих поисках культурной самоценности каждой из двух зон человеческой цивилизации – Востока и Запада – нащупывал и прокладывал свой путь, заметно отличный от тех, какими двигались в поэтическом освоении "восточно-западной" проблематики корифеи современной ему и позднейшей западно-европейской культуры. Эту характернейшую особенность пушкинской позиции в русле проблематики встречи Востока и Запада Л.А. Шейман назвал **перспективно ориентированным нравственно-эстетическим плюрализмом**, справедливо полагая, что подобный плюрализм (от лат. pluralis – множественный) предполагает художественное представление разных точек зрения, оценок и образных призм при изображении одного и того же явления или ряда сходных явлений. Но – обязательно! – такое их представление, которое приоткрывает и перспективу движения поисковой авторской "чувствуемой мысли".

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи:

1. Выделить и проанализировать "скрытые" элементы Востока в поэме "Руслан и Людмила", остававшиеся до нас вне поля зрения исследователей;
2. Доказать, что Пушкин уже в этой поэме показал образцы этнотолерантности и примеры того "...как вернее освещать драматические эпизоды сложных взаимоотношений тех или иных народов в прошлом...";
3. На основе предположения о том, что последнее "неясное" (Т.Г. Цвяловская) четверостишие стихотворения "Олегов щит", как и первые две части "Стамбул гяуры нынче славят..." содержат значительный отпечаток западно-восточных дипломатических взаимоотношений тех лет, предложить свои варианты истолкований строк, озадачивающих исследователей;
4. Доказать, что стихотворение Пушкина "Из Гафиза" вовсе не интерпретация лирики Хафиза, его источник – "сквозной" сюжет персотюркской классики, получивший наиболее яркое выражение в поэме Алишера Навои "Фархад и Ширин";
5. Привести доказательства того, что "саади-пушкинские" варианты эпитафии "Иные далеко, иных уж в мире нет" использованы Пушкиным все три раза в качестве пароля в заочном поэтическом общении с М.Н. Волконской и что именно ей посвящён первый черновой вариант стихотворения "На холмах Грузии лежит ночная мгла...";
6. Гипотетически реконструировать текст стихотворения "Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...", что позволит поддержать и усилить мнение о необходимости помещать этот совершенно самостоятельный шедевр в собраниях сочинений поэта перед стихотворением "На холмах Грузии лежит ночная мгла...";

7. Показать, что западно-восточный синтез особенно чётко просматривается в образных деталях, в тех микрообразах, переключках, которые возникают у Пушкина параллельно – и в прозе, и в поэзии – во время работы над двумя неоконченными стихотворениями, посвящёнными Фазильхану, и “ориентализмами”, восточными вкраплениями, в тексте “Путешествия в Арзрум”.

Объект и предмет исследования: Ориентальный космос Пушкина необъятен. В работе мы рассматриваем недостаточно проявленные ранее, но, на наш взгляд, высокозначимые, аспекты отдельных пушкинских произведений, связанных с восточной или “восточно-западной” тематикой. Последовательность обращения к ним определяется канвою жизни и творчества великого русского поэта.

Содержание и творческая история “Путешествия в Арзрум” сопряжены как с Кавказским циклом конца 20-х годов (путевой дневник 1829 года и выборочная газетная публикация 1830 года), так и с «документальным реализмом» [Фомичёв С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. – Л., 1986. – С. 261 – 265] середины 30-х годов (публикация переработанного, по существу нового, текста в журнале “Современник”, 1836 год). Отсюда и необходимость возвращаться не раз к страницам “Путешествия” в интересах выявления каких-то новых художественно-смысловых связей.

Мир Пушкина – это мир необозримых глобальных просторов: “От западных морей до самых врат восточных...” (III, 429. 1836 г.), и далее, на Восток и Юг, – и вновь на Север и на Запад.

С учетом сделанных оговорок, примерные хронологические вехи нашего движения в этом космосе “вослед Пушкину” таковы: “Руслан и Людмила” (1821) – путевой кавказский дневник и “Путешествие в Арзрум” (с 1829 до середины 1830-х гг.) – стихотворения и незавершённые фрагменты из “Кавказского цикла”, включая стихи “Из Гафиза”, “Благословен твой подвиг новый...”, “Всё тихо – на Кавказ идет ночная мгла...”, “Олегов щит”, “Опять увенчаны мы славой...”, “Стамбул гяуры нынче славят...” (1829 – 1830) и др.

Научная новизна исследования.

1. Впервые нами выделены и проанализированы “скрытые” элементы Востока в поэме Пушкина “Руслан и Людмила”, оставшиеся доселе вне поля зрения исследователей.

2. На основе предположения о том, что последнее четверостишие “Олегова щита”, как и первые две части стихотворения “Стамбул гяуры нынче славят...” содержат отпечаток западно-восточных дипломатических взаимоотношений тех лет, мы предложили свои варианты их истолкований.

3. Наша гипотеза о том, что источник стихотворения “Из Гафиза” вовсе не интерпретация лирики Хафиза, а – “сквозной” сюжет персоторкоязычной классической литературы и, в первую очередь, поэма А. Навои “Фархад и Ширин” получила поддержку пушкинистов. Этот материал был запрошен и

опубликован в книге “Пушкин и мир Востока”, вышедшей в Москве к 200-летию юбилею великого поэта.

4. Нами приведены доказательства того, что “саади-пушкинские” варианты эпиграфа “Иные далеко, иных уж в мире нет” использованы Пушкиным все три раза в качестве паролка в заочном поэтическом общении с М.Н. Волконской, что именно ей посвящён черновой вариант стихотворения “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”. Наша гипотетическая реконструкция текста стихотворения “Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...”, позволяет предлагать помещать его в собраниях сочинений поэта перед “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”.

5. В работе мы показали, что западно-восточный синтез особенно чётко просматривается в образных деталях, в микрообразах, переключках, возникающих у Пушкина параллельно – и в прозе, и в поэзии – во время работы над двумя неоконченными стихотворениями, посвящёнными Фазильхану, и “ориентализмами”, восточными вкраплениями, в тексте “Путешествия в Арзрум”.

6. Сущность принципиально новой художественной системы, выработанной в русле “западно-восточного синтеза”, сам Пушкин предпочитал именовать “истинным романтизмом”. Советское литературоведение характеризовало её как реализм (“критический реализм”, “ранний русский классический реализм”). Позже С.А. Фомичёвым был предложен термин “документальный реализм”. Л.А. Шейман считал, что более близким определением этой системы было бы понятие “поэтический реализм”. Мы в работе предлагаем ввести в научный оборот новый, более адекватный, на наш взгляд, термин “эвристический реализм” по некоторой аналогии с *эвристикой* в философии, психологии, науковедении, педагогике.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что наши материалы могут способствовать пополнению ориентальной части пушкиноведения, которое стало развиваться только начиная со второй половины XX века. Европоцентристский взгляд на творчество А.С. Пушкина начал преодолеваться только с середины 1960 годов, поэтому, “несмотря на некоторые успехи ориентального пушкиноведения... именно в этой сфере изучение Пушкина не достигло больших успехов” (акад. Е.П. Чельшев).

Практическая значимость полученных результатов.

Итоги нашего диссертационного исследования предназначаются для формирования культурно-образовательной политики, для филологического и культурологического освоения академической наукой и университетской образовательной практикой. Результаты и выводы могут быть использованы:

а) при переработке и составлении программ, учебников и учебно-методических пособий по литературе для школ и вузов не только нашей страны, но и России, а также сопредельных государств;

б) при чтении преподавателями лекционных курсов по русской литературе, разработке соответствующих спецкурсов и спецсеминаров;

в) при проведении учителями школ уроков литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В волшебнo-фантастической поэме "Руслан и Людмила" "скрытно" содержатся ориентальные детали, "невидимые тюркизмы"; чётко дифференцированное употребление юным поэтом слов и эпитетов, обозначающих головные уборы русских и восточных персонажей;

2. Большой интерес к поэме кыргызской молодёжи объясняется рядом причин: это и ярко выраженный восточный дух; и типологическая созвучность восточным дастанам и, соответственно, поэмам кыргызского "малого эпоса"; и генетическое родство имени и художественного характера главного героя пушкинской поэмы с персонажами тюркоязычного фольклора и средневековой литературы Востока;

3. Употребление Пушкиным торжественно-поэтических слов-образов и соответствующих им эпитетов по отношению не только к древним военным противникам – хазарам и печенегам – (*неукротимые дружины, рать удаляя, волнуясь, хлынули и потекли*), как и использование только нейтрального военного термина (*неприятель*) применительно к турецкой армии, с которой воюет его страна, является выражением духовной сущности русского поэта, показательным критерием его этнотолерантности и человеколюбия, которым он неотступно следует в жизни и творчестве;

4. В основе последнего "неясного" четверостишия стихотворения "Олегов щит", более полутора десятилетия лет продолжающего озадачивать исследователей, лежат дипломатические перипетии того времени;

5. Ещё одно "восточное" стихотворение Пушкина "Стамбул гяуры нынче славят...", исследователями относимое к "загадочным" шедеврам, также содержит отпечаток западно-восточных дипломатических взаимоотношений, являясь продолжением "Олегова щита" и "Опять увенчаны мы славой...". Элементом условно-поэтического отождествления себя с вымышленным турецким автором является и выбор Пушкиным его имени. По этимологии и эмоциональному ореолу имена "Янычар Амин-Оглу" и "Александр С'ергиев сын" весьма близки;

6. Ориентальным источником "антивоенного" стихотворения "Не пленяйся бранной славой...", в печатном варианте получившего название "Из Гафиза", было вовсе не творчество этого великого поэта Востока, как утверждалось многими исследователями, а тот "сквозной" сюжет персотюркоязычной классической литературы, который был наиболее ярко выражен в бессмертной поэме Алишера Навои "Фархад и Ширин";

7. Первый черновой вариант стихотворения "На холмах Грузии лежит ночная мгла..." был посвящён М.Н. Волконской. Именно как посвящение ей Пушкиным в качестве своеобразного пароля была в разных вариациях

трижды использована поэтическая формула Саади "Иных уж нет, а те далече...";

8. Гипотетически восстановленный и реконструированный текст "потайного" стихотворения "Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла..." даст нам право предлагать помещать его в собрания сочинений А.С. Пушкина перед "На холмах Грузии лежит ночная мгла...";

9. Короткая дорожная встреча с персидским поэтом Фазиль-ханом имела для Пушкина большое духовно-концептуальное значение, допущенная неловкость в межличностном общении стала для него "уроком региональному этноцентризму". Эта встреча занимает особое место в движении его художественно-культурологических размышлений о взаимосоприкосновении Востока и Запада;

10. Начальная строка "Благословен твой подвиг новый", второго посвящения Фазиль-хану, имеет в виду его участие в составе "повинной" делегации в Петербург. С учётом того, что Пушкин употреблял слово "подвиг" в значении "самоотверженный, тяжёлый труд, дело, важное предприятие", чаще всего имея в виду духовное и поэтическое творчество, в обращении к Фазиль-хану это – и подразумеваемое участие в примирении и сближении двух государств – России и Персии. Это – и ожидаемый подвиг сопряжения двух поэтических культур: культуры "цветов фантазии восточной" и культуры песен "северных снегов". Такое сопряжение культур Востока и Запада было делом всей жизни Пушкина, миссией, которую поэт обозначил как "достойный подвиг цивилизации";

11. Автопортрет Пушкина в "персидской шапке" (папахе) имеет концептуальное значение: вместе со стихотворным посвящением Фазиль-хану рисунок есть некий образ-символ – символ побратимства поэтов России и Востока. Не случайно в первом неоконченном посвящении Фазиль-хану автор и адресат не просто встретились, а соединились:

Судьба соединила нас.

Соединение людей разных народов, конфессий, культур всё более становилось краеугольным камнем поэтического символа веры Пушкина.

Личный вклад соискателя. Работа выполнялась автором на протяжении более двух десятилетий самостоятельно. В результате углублённого анализа были выявлены "невидимые тюркизмы" в сказочно-фантастической поэме А.С. Пушкина "Руслан и Людмила", являющейся истоком этнотолерантности поэта. Изучение произведений "Кавказского цикла" позволило соискателю доказать, что «неясные» фрагменты стихотворений "Олегов щит" и "Стамбул гяуры нынче славят..." могут быть объяснены с учётом западно-восточных дипломатических перипетий. На основе изучения произведений персотюркоязычной классической литературы автор работы приводит несколько убедительных фактов о том, что источником стихотворения "Благословен твой подвиг новый..." является

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении определена актуальность темы, сформулирована проблема

вовсе не творчество Гафиза, а бессмертная поэма Алишера Навои "Фархад и Ширин".

Апробация результатов диссертации. Материалы настоящего диссертационного исследования за многие годы прошли многостороннюю апробацию:

(а) в форме научных докладов и сообщений на республиканских и международных научно-практических конференциях;

(б) в форме публикаций в монографиях, школьных учебниках и журналах (Кыргызстан, Россия, Австрия, Узбекистан);

(в) в учебном процессе при чтении программных теоретических и историко-литературных дисциплин, проведении спецкурсов и семинаров со студентами-филологами нескольких вузов Кыргызской Республики (ОшМУ, КРСУ им. Б.Н. Ельцина, КГУ им. И. Арабаева, ТалГУ).

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. По материалам диссертационного исследования опубликованы три монографии (две – в соавторстве с Л.А. Шейманом): "Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина" (Бишкек, 1996, 1997, 2004 гг.); "Пушкин и его современники: Восток – Запад" (Турция, 2000 г.); книга "Кыргызы и лейтмотив "Восток – Запад" в художественной аксиологии Пушкина" (Бишкек, 2012 г.); с 1991 года по настоящее время по теме диссертационного исследования было опубликовано более 40 статей, в том числе за рубежом (Россия, Австрия, Узбекистан), в журналах и сборниках, а также в рецензируемых периодических изданиях нашей страны, рекомендованных ВАК Кыргызской Республики.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав и выводов. Полный объём диссертации составляет 272 страницы, из них список использованной литературы – 19 страниц. Он состоит из 209 наименований библиографических источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении определена актуальность темы, сформулирована проблема исследования, определяются цели, задачи, объект исследования; представлены положения, выносимые на защиту; выявлены методологические основы исследования, обоснованы его новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе "Историкографическая проблематика и теоретические предпосылки её исследования" отмечается, что первые интерпретации этого аспекта пушкинского творчества можно найти в статьях В.Г. Белинского, П.А. Вяземского, Н.Н. Страхова. Но это были лишь отдельные, хотя и весьма провинциальные, оценки и замечания. Серьёзно же проблема «Пушкин и Восток» начала ставиться в трудах советских пушкинистов ещё в первой половине XX века: М. Алексеев (1937 г.), А. Баранников (1948 г.), В.

Мануйлов (1946 г.), Н. Фридман (1946 г.), в работах И. Крачковского 1955 – 1958 гг. Но только в 60-е годы при изучении проблемы мирового значения Пушкина начинает преодолеваться свойственный литературоведению «европоцентризм» и набирает силу ориентальное пушкиноведение в трудах Н.М. Лобиковой, В.А. Мануйлова, М.К. Нурмухамедова, Л.А. Шеймана, Д.И. Белкина и др.

Продуктивную идею о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина высказал И. Брагинский. Эта идея получила развитие в ряде исследований (Н. Лобикова, П. Тартаковский, М. Нольман), в сборниках Института востоковедения АН СССР. Книги эти стимулировали развитие востоковедного пушкиноведения в стране и за рубежом. Затем вышли в свет работы востоковедов А. Мамонова, М. Шнейдера, Л. Черкаесского, Е.П. Чельшева и т.д.

Кавказ, Крым, потом Кишинёв и Одесса послужили резким толчком к усилению у Пушкина поэтического увлечения восточным миром, соприкосновению его с Ближним Востоком.

В Кишинёве перед молодым поэтом и чиновником Пушкиным раскрывались весьма сложные и противоречивые взаимоотношения России с народами, подчинёнными в то время Турции. Он активно и углублённо изучает книги о Востоке из библиотеки И.Н. Липранди.

Четырёхлетнее пребывание на юге России значительно обогатило представления Пушкина об ориентальном мире. Произведения этого периода свидетельствуют не только об отходе поэта от романтических традиций, но и о переключении его интереса от одного региона к другому, связанного с более глубоким постижением Востока. Именно к этому времени относится формирование у него самобытной художественной концепции Востока.

По утверждению Л.А. Шеймана, раскрывая, подобно наиболее компетентным специалистам-востоковедам, "культурную самоценность каждой из двух зон человеческой цивилизации", Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличные от тех, какими двигались в поэтическом освоении "восточно-западной" проблематики корифеи современной ему и позднейшей западноевропейской культуры [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Указ. труд. – С. 418].

Крупнейшие европейские романтики (Байрон, В. Гюго) трактовали Восток, во-первых, как арсенал новых, необычайно ярких, экзотических красок, во-вторых, они форсированно противопоставляли Восток Западу в нравственном плане – как мира не только ослепительной роскоши, но и стихии зла, кровожадности, насилия.

Несколько особняком в литературе этого времени стояла книга Гёте "Западно-восточный диван" (1819 г.). Главным для него было возвращение к древним, патриархальным духовным ценностям и опыт западно-восточного духовного синтеза.

Если Восток Гёте воссоздавал, по существу, лишь на литературной основе, дистанцированно от реального быта и актуальных конфликтов этого ареала, то для Пушкина Восток – “непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого <...>”

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не даёт готового ответа на эти вопросы – в виде истины в последней инстанции. Он ищет ответа – <...> И он вовлекает читателя в этот трудный поиск” [Там же. – С. 420 – 421, 423].

Концепция Востока обрела художественное воплощение во многих произведениях Пушкина. Д.И. Белкин считает, что знакомство с его художественной концепцией следует начинать, опираясь на две взаимно дополняющие друг друга позиции. Первая и основная: многолетнее внимание поэта к восточному миру, характер его художественного проникновения в пласты культуры народов Востока целесообразно рассматривать не суммарно (не в проблемном аспекте), а по регионам.

Вторая позиция предполагает рассмотрение интереса русского поэта к Востоку в динамике, в эволюции художественной манеры изображения ориентального мира.

Региональный метод исследования позволяет привлекать множество дополнительных материалов, которые при узкопроблемном рассмотрении могли бы остаться совершенно незатронутыми. Для Пушкина оказывается характерным переключение творческого интереса с одного региона на другой, но уже на более высокой ступени постижения ориентального мира. Знакомство Пушкина с поэзией многих народов и даже её изучение завершалось всякий раз, говоря его словами, созданием “своего образца”. Когда в духовном наследии Востока перед русским стихотворцем открывались “новые миры” и возникало желание вступить в творческий спор и предложить “свой образец”, он стремился быть художественно и исторически точным, сохраняя свою “национальную физиономию”.

Постепенно от чисто внешнего восторженного любования Востоком Пушкин переходит к восприятию глубинных элементов его культуры, что и находит яркое воплощение в “Подражаниях Корану” (1824 г.).

Именно во “всесообщности и гармоничности” поэтического гения заключается “чудо Пушкина”, его “протезизм”, удивительная способность, оставаясь национальным русским поэтом, с одинаковой лёгкостью и в то же время глубиной проникать в мир Запада и в мир Востока.

Наиболее полно и последовательно развитие темы Востока, зарождение и совершенствование западно-восточного синтеза в поэзии Пушкина представлено в исследованиях И.С. Брагинского.

«Среднеазиатские аспекты» творчества Пушкина. «среднеазиатские интересы» великого русского поэта стали предметом исследований видного каракалпакского ученого М.К. Нурмухамедова (1930 – 1986), который утверждал: «Пушкин не был в Средней Азии, но он был у её ворот. И если Петербург был окном в Европу, то Оренбург был окном в степь, Среднюю Азию, Сибирь, и Пушкин многое увидел через это восточное окно» [Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. – Ташкент: Фан, 1984. – С. 13].

Восстановлению некоторых страниц истории русско-киргизских литературных связей, связанных с именем великого русского поэта, посвятил свою книгу «Пушкин и киргизы» (1963 г.) Л.А. Шейман. Он отмечал, что при работе над «Историей Пугачёва» Пушкин широко использовал материалы известного учёного-востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина.

Внимание Пушкина здесь привлёк трагический эпизод сравнительно недавней для него истории (1771 год), в котором драматически сплелись судьбы «торгоутов» (калмыков) и «кэргызцев» (кыргызов).

Русского поэта этот исторический эпизод заинтересовал вначале как повод к возмущению яицких казаков, часть которых отказалась преследовать волжских калмыков, покинувших свои кочевья, не выдержав гнёта царских сатрапов, и потянувшихся по киргизской степи в Китай. Правительство двинуло против них войска. Вспыхнул бунт, ставший прологом к пугачевскому восстанию.

Картина социального гнёта под пером русского поэта стала и картиной гнёта национального. Такова, по мысли Л.А. Шеймана, «главная причина, вызвавшая исключительное внимание Пушкина к событиям 1771 года и позволившая впервые вывести «кэргызцев-бурутов», т.е. коренных киргизов, на страницы русской классической литературы» [Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1963. – С. 67].

Но размышления поэта о судьбах казахов, киргизов и калмыков продолжались. Он уверен, в будущем не будет вражды между ними. Поэтому в черновике «Памятника», перечисляя народы, до которых дойдёт его поэтическое слово, Пушкин рядом с калмыком поставил и «киргизца».

Великий поэт, ещё в то время когда российское востоковедение начинало делать первые шаги, «организовал публикацию первой отечественной научной работы, специально посвящённой отличию казахов от киргизов, а тем самым подготовил и выход в свет фундаментального труда А.И. Лёвшина, положившего начало русскому классическому киргизоведению.

Именно он, <...>, продолжая исследования П.И. Рычкова, В.Н. Татищева и других авторов XVIII века, указал на условность наименования казахов «киргизами» («киргиз-кайсаками»). Изучение творческой лаборатории поэта-историка позволяет обнаружить документы о подлинных киргизах, сохраняющие и сегодня своё научное значение <...>.

Всё это позволяет по праву поставить имя Пушкина у истоков русско-киргизских литературных и культурных связей» [Шейман Л.А. Указ. труд. – С. 70 – 71].

В следующей книге «Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина» Л.А. Шейман продолжает и углубляет проблематику исследований более чем тридцатилетней давности.

Ознакомившись с несколькими востоковедческими книгами из личной библиотеки Пушкина, он выяснил, что много сведений о подлинных кыргызах Пушкин извлёк из журнала «Сибирский Вестник», издававшегося в 1818 – 1824 годах в Петербурге и большое внимание уделявшего освещению быта и нравов восточных народов России.

Это чтение и могло ввести «поэта в проблематику, связанную с этнонимом «каменных», Тянь-Шанских кыргызов и с версиями об их исторических миграциях» [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. – Бишкек: Фонд «Сорос – Кыргызстан» – Фирма «Айбек», 1996., – С. 16].

Благодаря многолетним изысканиям Л.А. Шеймана, окончательно установлен и принят крупнейшими пушкинистами тот факт, что именно Пушкин в конце января 1827 года заказал А.И. Лёвшину через В.И. Туманского статью. Этот материал «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов» был опубликован в первом номере только что учреждённого журнала «Московский вестник».

Некоторые выводы по первой главе.

1. Период «ожившей ссылки» значительно обогатил представления А.С. Пушкина об ориентальном мире. Именно в это время в творчестве поэта начинается формироваться самобытная художественная концепция Востока.

2. Ориентальная концепция Пушкина, как часть его художественной аксиологии, развивалась на протяжении всего творческого пути, включая в себя и метод, и объект исследования, новые методы изображения ориентальной действительности, и углублённый показ её отдельных сторон.

3. Кыргызстанским учёным Л.А. Шейманом было доказано, что А.С. Пушкин ещё в 1827 году организовал публикацию первой научной работы, специально посвящённой отличию казахов от кыргызов.

Вторая глава диссертации «Ориентальная тема и пушкинская этнотолерантность» состоит из двух параграфов. В первом из них 2.1 «Скрытые» ориентализмы в поэме «Руслан и Людмила» отмечается,

что на ориентальный характер первой сказочной поэмы указывали Д.Д. Благой, Д.И. Белкин, И.С. Брагинский, Л.П. Гроссман, Л.И. Поливанов.

Углубленное рассмотрение поэмы в данном аспекте осуществили Н.М. Лобикова и М.К. Нурмухамедов. В качестве восточных элементов они указали на мотивы «Тысячи и одной ночи»: похищение джином красавицы-невесты в первую брачную ночь; упоминание имён Шехерезады и царя Соломона; сцену искушения Ратмира девами; восточные ароматы и др.

В этой поэме А.С. Пушкина «скрытно» содержатся и некоторые другие, по выражению Олжаса Сулейменова, «невидимые торкизмы», элементы Востока, которые не были замечены исследователями.

На наш взгляд, юный поэт, сам того специально не желая, закамуфлировал общий «наряд восточный» прямым указанием на незаметную, но более конкретную ориентальную «подсказку» читателям.

Обычай украшать головной убор венчиком из перьев птиц или пучком конских волос – черта народов Востока с древнейших времен. Аналогичная восточная деталь содержится в поэме Пушкина в эпизоде, когда Руслан после смертельной схватки с Рогдаем наезжает на «старой битвы поле» и видит на нем обросший травой «шлем косматый» (Здесь и далее выделено нами. – Г.С.), т.е. восточный боевой шлем с венчиком из конского волоса.

Это же выражение употребляется поэтом еще раз, в песне шестой, где изображается Руслан, умерщвленный во сне коварным Фарлафом:

Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый.

Здесь имеется в виду высокий шлем богатыря Руслана с привязанной к нему в знак победы волшебной бородой карлы Черномора.

Затем русский витязь наезжает в ночной степи на огромную живую Голову, обладатель которой, как оказалось, был родным братом джина Черномора. Руслан с изумлением видит, как Голова

Храпит, качая шлем пернатый...

Шлем, как богатырский головной убор, упоминается Пушкиным в поэме 13 раз в сочетании с самыми различными эпитетами: *медный, раздробленный, крепкий, стальной, высокий, тяжёлый, косматый, пернатый, крылатый* и, наконец, *брадатый*. Знаменательно, что последние четыре эпитета употребляются поэтом только применительно к головным уборам восточных персонажей поэмы или в тесной связи с ними.

К «скрытым» восточным элементам, свидетельствующим об ориентальной языковой точности и чуткости юного Пушкина можно отнести и употребление им слов, обозначающих волшебную шапку-невидимку.

Касаемся мы в этом разделе диссертации и деталей, сопряженных с национально окрашенным восприятием «Руслана и Людмилы». Субъективность читательских впечатлений очевидна. Но и они, скорее всего, возникают в русле излучений общего ориентального колорита этого

произведения. Так, не берусь судить за всех, но заключительные строки эпизода сражения Руслана с Рогдаем:

Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах,
Под ними борзые кони быются;
Борцы недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются,

Как бы к седлу пригвождены... – представляются мне, кыргызу, очень точным описанием древней кыргызской богатырской потехи – “Оодарыш” – борьбы **верхом на конях**.

Первая сказочная поэма А.С. Пушкина и ее основные персонажи давно любимы кыргызской молодежью. Подобная пристрастность объясняется рядом причин.

Во-первых, вся волшебнo-фантастическая пушкинская поэма источает восточный дух, ряд примеров чего нами был приведен выше.

Во-вторых, в сюжетно-жанровом отношении она типологически созвучна восточным дастанам и, соответственно, поэмам кыргызского “малого эпоса”.

В-третьих, не исключаем и опосредованное воздействие генетического родства имени и художественного характера главного героя пушкинской поэмы с персонажами тюркоязычного фольклора и средневековой литературы (*Руслан – Еруслан Лазаревич – Арслан – Рустем* из “Шахнамэ” Фирдоуси; соответствующее кыргызское имя *Арстан* означает *лев*).

Таким образом, можно утверждать, что ярко выраженная ориентальная содержательно-эстетическая и культурологически повышенная потенциальная доступность компенсировала заметные языковые трудности восприятия кыргызскими учащимися сказочной поэмы А.С. Пушкина.

В параграфе 2.2 “**Хазарский мотив и пушкинская этнотолерантность**” речь идет о проблемах объективной исторической оценки кочевых соседей Древней Руси. Учебники истории советских школ второй половины XX века все упоминания о кочевых народах-соседах Древней Руси: печенегам, половцам, хазарам, скифам давали в резко негативном плане. Даже в издании произведений А.С. Пушкина для кыргызских школьников 1989 г., в примечаниях к поэме «Руслан и Людмила» сообщалось, что хазары – народ, бывший в состоянии перманентных войн с древними русичами.

Однако каждый внимательный читатель поэмы сможет заметить несоответствие этого пояснения поэтической пушкинской трактовке образа «младого хазарского хана» Ратмира. Благородство, честность и жизнерадостность отличают его, не оставляя равнодушными читателей.

В современной системе социокультурных координат резко возрастает роль толерантности. Многие исторические оценки, долгое время

почитавшиеся незыблемыми, ныне коренным образом пересматриваются. От многих стереотипов наука наших дней обоснованно отказывается. Реабilitируются не только репрессированные в прошлом отдельные лица, но и целые поколения, эпохи, культуры, народы.

Это касается, в частности, тех тюркских народов, которые многие века жили бок о бок с Древней Русью: хазар, половцев и печенегов.

Разумеется, совершенно не корректна и тенденциозна «сплошная» идеализация древних кочевых народов. Необходимо лишь освободиться от предвзятости, с учетом глубокой мысли Гегеля о том, что трагедия истории не в борьбе правды против лжи, а в борьбе различных правд [Ямбург Е.А. Воспитание историей. – М.: Знание, 1989. – С. 23].

Ведь, как в свое время справедливо заметил Л.Н. Толстой. «если удовлетворять одному национальному чувству, что же останется из всей истории? <...> Отвечая на национальное чувство, не пройдешь всей истории» [Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / Сост. Н.В. Вейкшан (Кудрявая). – М.: Педагогика, 1989. – С. 178].

Тем не менее, односторонность трактовки места и роли разных народов в истории остается характерной для историко-культурных оценок и поныне.

В специальных работах, посвященных истории кочевых соседей Древней Руси, подчеркиваются их тесные контакты с русичами. Так, А. Никитин в статье «Лебеди Великой Степи» пишет о том, что на протяжении почти двух столетий половцы жили бок о бок с русичами, а иногда – и непосредственно в их среде.

В системе матримониальных связей древнерусских князей русско-половецкие браки аристократической верхушки в начале XIII века стали настолько частым явлением, что даже наиболее резкие в суждениях историки нет-нет да начинают говорить о «симбиозе» этих народов.

Да и как иначе, если даже знаменитый русский князь Игорь и его брат, «буйтур» Всеволод, герои «Слова о полку Игореве», по крови (да, вероятно, как утверждает А. Никитин, также по воспитанию и языку) были на 3/4 половцами. На стороне своих сватов половецкие племена участвовали не только в постоянных княжеских междоусобицах, но и ходили, им в помощь, на Венгрию, Польшу, Волжскую Булгарию, а затем встали плечом к плечу с русскими против монгольских орд [Никитин А. «Лебеди» Великой Степи // Наука и религия. – 1988. – № 10. – С. 44 – 48].

Соображениям А. Никитина вторит и утверждение А.П. Новосельцева о том, что еще до X века в Киеве существовала хазарская колония. Далее он отмечал: «Московские князья <...> роднились с ханами и в полном согласии с ними подвергали опустошению земли своих соперников на Руси» [Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Вопросы истории. – 1989. – № 9. – С. 28].

А.С. Пушкин, по утверждению Б.С. Мейлаха, “умел видеть мир таким, <...> каким он должен быть в бесконечном стремлении человека к светлому идеалу, достигаемому в борьбе гармонии с дисгармонией, преходящих, приземленных эгоистических интересов с высшими, духовными” [Мейлах Б.С. «...Сквозь магический кристалл...»: Пути в мир Пушкина. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 16].

Так, думается, вовсе не случайно в “Руслане и Людмиле” Пушкин с откровенной симпатией выделяет жизнерадостностью и благородством юного хазарского хана Ратмира.

В его образе Д.Д. Благой пронизательно увидел явное стремление юного поэта понять дух и характер представителя иного этноса: “подобно тому, как в Руслане Пушкин старается дать образ русского национального характера, в обрисовке Ратмира он делает первую несомненную попытку проникнуть в дух и существо другой национальности” [Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 212].

Интерес к истории будущей великий поэт проявлял с ранней юности. Ещё будучи ребенком, он любил и выделял Н.М. Карамзина из всех знакомых своих родителей. Ко времени начала работы над «Русланом и Людмилой» уже были изданы восемь томов «Истории государства Российского». Пушкин, бесспорно, очень много почерпнул из этого сочинения Карамзина, в котором содержится огромное количество сведений о древних соседях Руси.

Это один из первых истоков глубокого ориентализма юного автора сказочной поэмы.

Пушкин не забывал и не прощал обид, нанесенных когда-либо не только лично ему, но и его народу. Уже в восьмилетнем возрасте испытывал он чувство нестерпимого позора за унижительный для России Тильзитский мир. Свою боль из-за того, что «...русский в первый раз пред гибелью бежал», Пушкин пронес через всю жизнь.

И кажется очевидным: вряд ли поэт в двадцатилетнем возрасте изображал бы с такой неподдельной симпатией хазарского хана, если бы считал древних кочевников-соседей вечными, заклятыми врагами Руси.

М.К. Нурмухамедов, говоря о сюжетных аналогиях, о перекличке образов сказок А.С. Пушкина и фольклора народов Средней Азии, отмечает, что появление хазар и печенегов в «Руслане и Людмиле» – свидетельство уважения к другим народам-соседям Руси.

Он подчеркивает, что Пушкин мягкими и теплыми красками рисует образ хазарского хана Ратмира. Печенеги же описаны сдержанно, но без всякой предвзятости – утверждает ученый [Нурмухамедов М.К. Сказки Пушкина и фольклор народов Средней Азии (сюжетные аналогии, перекличка образов). – Ташкент: Фан, 1983. – С. 46].

По нашему убеждению, создатель поэмы в песне шестой скорее с юношеским подъемом, высоким слогом, нежели только лишь «сдержанно... без всякой предвзятости», описывает печенежское войско:

*Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой...*

Традиционная национально-культурная семантика слов, курсивом выделенных нами, красноречиво свидетельствует о предельно уважительном отношении юного поэта к достойному сопернику – к печенегам, к их войску.

В русском языке обычно применительно к вражескому войску перманентно используются слова *орда*, *полчище* [Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. Изд. 4-е. репродуцированное. – М.: Русский язык, 1975. – С. 74]. В приведённом же выше отрывке Пушкиным выбраны старинные, любимые русским народом, торжественно-поэтические слова-образы *дружина* и *рать*, сопровождаемые соответствующими эпитетами [Шейман Л.А. Методическое руководство к учебнику «Русская литература для XI класса киргизской школы. Пособие для учителя. 3-е изд., перераб., доп. – Фрунзе: Мектеп, 1984. – С. 66 – 69].

О таком же уважительном отношении А.С. Пушкина даже к тем, с кем в настоящее время воюет его страна, свидетельствуют и другие его более поздние произведения. Так, Л.А. Шейман отмечает, что “ни разу (в “Путешествии в Арзрум”) ... автор не обращается к слову **враг**... Применительно к турецкой армии в целом несколько раз упоминается... слово **неприятель**, – строго нейтральный военный термин, совершенно лишенный отрицательной экспрессии и обозначающий лишь “войско противной стороны” [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. “Пушкин и его современники: Восток – Запад”: Очерки / Под общ. ред. Л.А. Шеймана. – Б., 2000. – С. 158 – 159].

Эпизод творческого развития великого русского поэта, рассмотренный в настоящей главе нашей работы, имеет принципиальное значение в комплексе современных этнокультурных проблем нашего евразийского содружества. Пушкинский подход к художественному осмыслению подобных проблем не только впечатляющ, но и весьма поучителен.

Некоторые выводы по данной главе.

1. Мы доказываем, что в поэме “Руслан и Людмила” “скрытно” содержатся ориентальные детали, не замеченные исследователями. К “невидимым тюркизмам” мы относим чётко дифференцированное употребление поэтом слов и эпитетов, обозначающих головные уборы русских и восточных персонажей.

2. Любовь кыргызских школьников к поэме объясняется рядом причин: ярко выраженный восточный дух; типологическая созвучность восточным дастанам и, соответственно, поэмам кыргызского «малого эпоса» и др. Ориентальная содержательно-эстетическая и культурологически повышенная потенциальная доступность иноязычного и инонационального текста может в определенной мере компенсировать существенные языковые трудности восприятия.

3. Примеры уважительного, в высшей степени этнотолерантного отношения Пушкина к хазарам и печенегам является весьма показательным критерием человеколюбия поэта имеет принципиальное значение в комплексе современных этнокультурных проблем мирового содружества.

В третьей главе «Восточно-западные военно-политические коллизии и перспективы их разрешения в художественной интерпретации Пушкина» рассмотрены несколько стихотворений, так называемого «Кавказского цикла». Так, в параграфе 3.1 «"Олегов щит" и "Опять увенчаны мы славой..." – отражения дипломатических перипетий конца 20-х годов XIX века», с опорой на строку из последнего обращения Пушкина к друзьям лицейской юности – посвящения к 25-й годовщине Лицея (на 19 октября 1836 года): *Израилица таинственной игры*, отмечается, что «Олегов щит» имеет аллегорико-символический смысл, в иносказательной форме отражая дипломатические перипетии, приведшие к заключению Адрианопольского мира.

На основе такого предположения мы предлагаем два варианта истолкования тех строк «Олегова щита», которые уже многие десятилетия озадачивают исследователей.

Первый: щит Олега противодействует окончательной победе русской армии и делает это в интересах западных держав – Австрии, Англии, Франции, имея в виду известную концепцию норманнского происхождения первых русских князей: Рюрика, Олега, Игоря.

Другой более предпочтительный вариант: Олег ревнует к воинственным подвигам своих потомков, пытающихся повторить его бранный путь, но тем самым – предотвращает их поражение.

По данным историков, русская армия под Стамбулом в 1829 году была на волосок от разгрома. И Пушкин это не только сознавал, но и подчеркнул это. «Олегов щит», остановивший войско России, спасает ее от поражения!

Ревновать в словоупотреблении Пушкина означает и «горячо заботиться о чем-нибудь» [Словарь языка Пушкина. – Т. 3. – М.: ГИИНС, 1959. – С. 1004]. В этом смысле «стон ревнивый» князя Олега – это голос его боли и тревоги о судьбе российского войска, это сигнал, поданный им соотечественникам о грозящей беде, – сигнал, спасающий их.

В параграфе 3.2 «"Стамбул гяуры нынче славят..." – стихотворение о западно-восточных дипломатических взаимоотношениях 1815 – 1829

годов» мы высказываем мнение о том, что для прояснения смысла этого «загадочного» стихотворения целесообразно, как и в случае с «Олеговым щитом», присмотреться к современной Пушкину политической ситуации как внутри Турции тех лет, так и вокруг Османской империи.

В специальных работах, посвященных его анализу, справедливо в целом утверждается, что в нем автор описывает турецкую действительность после жестокого подавления султаном Махмудом II (1785 – 1839 гг.) янычарского бунта 1826 года.

Но данный комментарий представляется верным только по отношению к последней части стихотворения, которое очень четко делится на три, органически связанные между собою, части. А первые две части, опять же, содержат значительный отпечаток западно-восточных дипломатических взаимоотношений тех лет, являясь как бы продолжением «Олегова щита» и «Опять увенчаны мы славой...». Это позволяет нам «отодвинуть» время действия стихотворения на добрый десяток лет назад от 15 июня 1826 года, когда произошло восстание янычар.

Вель под «гяурами», славящими Стамбул, Пушкин, конечно же, имеет в виду дипломатические круги Англии, Австрии, Франции, которые уже с конца 1815 года всячески старались помешать России в осуществлении ее военно-политических замыслов в данном регионе [Дебидур А. Дипломатическая история Европы: Священный союз от Венского до Берлинского конгресса (1814 – 1878). – В 2-х томах. – Пер. с франц. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 422].

Вторая же часть стихотворения весьма напоминает содержание патетического воззвания султана Махмуда II (хатти-шериф, 31 марта 1821 г.) к народу в ответ на всерасширяющийся пожар греческого восстания.

Пушкин, по утверждению исследователей обнаруживавший удивительную осведомленность о соседней азиатской державе, именно во время появления хатти-шерифа султана находился в южной ссылке, служа архивариусом дипломатической канцелярии, близ тогдашних северных границ Османской империи. Он, как и многие его друзья и современники, внимательно следил за тем, как разворачивались события.

Мы предполагаем, что у Пушкина было немало оснований для условно-поэтического отождествления себя с вымышленным турецким автором. И элементом такого отождествления стал выбор имени для того, кому он приписал эту великолепную стихотворную мистификацию.

Обращаясь к этимологии слов, которыми «номинарованы» мифический турецкий поэт «Янычар Амин-Оглу», и его русский создатель, мы отмечаем, что по семантике их имена и отчества практически адекватны.

«Янычар Амин-Оглу» = «Александр Сергеев сын»...

Возможный мотив выбора Пушкиным турецкого псевдонима является нашим предположением, а заметное этимологическое соответствие этого

псевдонима с именем и отчеством подлинного автора стихов может быть и случайным – но знаменательным – совпадением.

И все же познание другого культурного мира через постижение его поэзии для Пушкина имеет ценность первостепенную. Ведь и Коран был для него книгой поэтической, представлявшей в его глазах – вместе с Библией – глубинное поэтическое мирозерцание Востока.

Вот почему так важны в художественной концепции автора "Путешествия в Арзрум": встреча с персидским поэтом Фазиль-ханом, изменившая прежнее "европейское" представление Пушкина о типе восточного стихотворца; грузинская песня, в которой "есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство". Далее это "восточное приветствие" пленного турецкого пашы с панегириком поэту как "брату дервиша", стоящему "на равне с властелинами земли" – и сразу вслед за тем встреча с реальным бродягой-дервишем, полунагим, "в бараньей шапке, в дубиную в руке", которого "насилу отогнали". Каждое последующее впечатление не отменяет предыдущих, но дополняет и корректирует их. Стихотворение "Стамбул гяуры нынче славят..." закономерно этот ряд завершает.

И если после встречи с Фазиль-ханом Пушкин, долгое время испытывая угрызения совести за допущенную в беседе неловкость, продиктованную "нашей русской насмешливостью" и европейской предвзятостью, выносит для себя урок: "не судить о человеке по его бараньей папахе" – и набрасывает автопортрет в подобном же головном уборе, – то теперь он делает новый, принципиальный шаг. Только что он видел снова "человека в бараньей папахе" – в ситуации, вызвавшей смешанные чувства стыда, горькой иронии, жалости, отталкивания. Но теперь уже ничто не мешает, а скорее побуждает русского поэта отождествлять себя с восточным собратом-дервишем.

Преодоление – смеялось глубоким поэтическим и духовно-нравственным перевоплощением.

Некоторые выводы по главе.

1. На основе убедительного предположения о том, что «Олегов щит» содержит в себе отражение дипломатических перипетий, нами предложены два в достаточной мере обоснованных варианта истолкования «неясных» строк.

2. Недостаточность проявленности «загадочного» шедевра «Стамбул гяуры нынче славят...» также обусловлена западно-восточными дипломатическими взаимоотношениями, что позволяет нам «отодвинуть» время действия стихотворения на добрый десяток лет назад от 15 июня 1826 года, когда произошло восстание янычар.

Элементом условно-поэтического отождествления себя с вымышленным турецким автором, кому Пушкин приписал эту стихотворную мистификацию,

является выбор имени, ведь этимология и эмоциональный ореол имён «Янычар Амин-Оглу» и «Александр Сергеевич сын» весьма близки.

Глава IV. "Традиции поэзии Востока как один из истоков развития художественной и нравственно-эстетической системы А.С. Пушкина" состоит из трёх параграфов. В параграфе 4.1 «Об источнике стихотворения "Не пленяйся бранной славой..." (Не Гафиз, а Алишер Навои?)» речь идёт о стихотворении, получившем в печатном варианте название "Из Гафиза".

В пушкиноведении многие десятилетия идут споры о его источнике. Большинство исследователей считают, что авторское указание в заглавии "Из Гафиза" не соответствует действительности.

Мы полагаем, что его источником является тот "сквозной" сюжет персоязычной классической литературы, что получил свое наиболее яркое выражение в бессмертной поэме Алишера Навои "Фархад и Ширин".

Наша гипотеза обосновывается тем, что стихотворение "Не пленяйся бранной славой..." представляет идеальную "выжимку" сюжетной линии и лейтмотивов поэтической характеристики главного героя поэмы Навои.

Кроме того, наличие целого ряда сопутствующих обстоятельств "бывачной" жизни Пушкина в тот период: встреча Пушкина с Фазиль-ханом, тесное, каждодневное и весьма заинтересованное общение с беками мусульманских полков и др. дает нам, думается, фактические материалы, которые всецело поддерживают развиваемую нами гипотезу.

А то, что имя Алишера Навои ни разу не было упомянуто поэтом вовсе не означает, что он не был знаком с творчеством одного из великих персоязычных лириков Востока. Перевод произведений Навои на европейские языки начался еще с середины XVI века. В 1719 году появился французский перевод этой книги, который только до конца XVIII века переиздавался одиннадцать раз [Бертельс Е.Э. Навои и Джами. – В его кн.: Избранные труды. – М.: Наука, 1965. – С. 64 – 65].

С большой долей вероятности можно предполагать, что А.С. Пушкин мог быть знаком с переводом (прежде всего – французским) поэмы "Семь планет", тем более, многие его друзья и современники, например, В.К. Кюхельбеккер, упоминали о Фархаде.

А в том, что Пушкин должен был спросить, что означает непривычное для русского слуха, звучное имя Фархад, можно не сомневаться: он всегда стремился узнать значения или перевод новых для него понятий и имен.

Пушкин вполне мог, зная о том, что о красавце Фархаде "немало песен сложено" многими восточными поэтами, дать своему ориентальному стихотворению на эту же тему условно-обобщенный подзаголовок, используя имя-псевдоним одного из своих любимых поэтов Востока.

В параграфе 4.2 «Мария Волконская и афоризм Саади (Об адресате и гипотетической реконструкции текста стихотворения "Всё тихо – на

«Кавказ идёт ночная мгла...»)» мы рассматриваем "утаенное" стихотворение Пушкина, переработанный вариант которого сам поэт при жизни опубликовал дважды, и оба раза сопроводил подзаголовком: "Отрывок" [Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930 – 1970 гг. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1978. – С. 11].

У стихотворения "На холмах Грузии..." долгая "комментаторская" судьба. Уже более 150 лет идут споры о том, кому посвящены эти строки о любви: М.Н. Волконской, В.Ф. Вяземской или Н.Н. Гончаровой?

Это, казалось бы, совершенно самостоятельное, произведение является лишь частью замечательного стихотворения, состоявшего из шестнадцати строк. В "усеченном" виде, каким мы его знаем ныне, оно воспринималось многими как посвящение невесте, на чем настаивал и сам Пушкин в разговоре со знакомыми. Однако вторая часть стихотворения, оставшаяся в рукописях, была не столь нейтральной и давала много пищи для предположений проницательных читателей об истинном адресате. Тем более, как нам представляется, одна строка была своеобразным паролем для той, кому в действительности оно было первоначально посвящено.

Мы приводим пять в достаточной степени аргументированных фактов, подкрепляющих наше убеждение в том, что данное произведение было посвящено именно М.Н. Волконской.

Здесь же мы высказали подкреплённую убедительными фактами гипотезу, что поэтическая формула Саади «Иных уж нет, а те далече...», использованная Пушкиным в различных вариациях трижды, все три раза приводится в произведениях, к которым так или иначе была причастна «утаённая» любовь поэта М.Н. Волконская («Бахчисарайский фонтан», «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...», «Евгений Онегин»).

Также в этом разделе мы гипотетически восстанавливаем и реконструируем текст стихотворения, перенося третью строфу, которую С.М. Бонди предлагал исключить из канонического текста потому что она "выпадает по содержанию из общего смысла", в конец стихотворения. Именно такое завершение соответствует особенностям элегии как лирического жанра и своеобразию его развития в творчестве Пушкина. Строфа, начинающаяся словами "Прошли за днями дни. Сокрылось много лет..." и завершающаяся строкой "Со мной одни воспоминанья", идеально заключает стихотворение как прекрасную элегию – не только любимый, но и решительно отстаиваемый Пушкиным жанр.

Параграф 4.3 "Подвиг поэтический – подвиг гражданский (Пушкин и персидский поэт Фазиль-хан)" посвящён рассмотрению случайной дорожной встречи Пушкина с персидским поэтом Фазиль-ханом.

Материализованным её результатом явились два неоконченных стихотворения, полстраницы прозаического текста в "Путешествии в Арзрум"

и несколько рисунков Пушкина. Но эта встреча имела для русского поэта еще и духовно-концептуальное значение.

Описание этой встречи, занимающей особое место в «путевых картинах» кавказского путешествия поэта, а также в движении его художественно-культурологических размышлений о взаимодействии Востока и Запада, было достаточно пространно рассмотрено Л.А. Шейманом с точки зрения ее художественно-смысловой роли в "Путешествии в Арзрум" [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. "Пушкин и его современники: Восток – Запад": Очерки / Под общ. ред. Л.А. Шеймана. – Б.: 2000. – С. 152 – 156].

В первом варианте эпизода о встрече с Фазиль-ханом Пушкин объяснял свою неловкость единственно личным характером. Он пишет, что начал свое высокопарное восточное приветствие «отчасти увлеченный врожденной насмешливостью» (Здесь и далее выделено нами. – Г.С.). Свой тон он называет «полушутливым». А заключительное поучение оказывается адресованным только самому себе как неуместному насмешнику: «Это был мне урок...» [Левкович Я.Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (история заполнения). – В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. – Т. XVII. – Л.: Наука, 1986. – С. 25].

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не использовал и здесь эвристический подход. Неуместность тона, принятого сначала поэтом, в окончательно переработанном тексте резко подчеркнута «обновленным эпитетом, выдающим поверхностно-ироническое представление европейца о якобы типичном восточном стиле: «полушутливый тон» превратился в «важно-шутливый». А индивидуальная «врожденная насмешливость» стала «нашей русской насмешливостью», т.е. чертой этнокультурной, а точнее, в контексте всего эпизода, <...> регионально-культурной ограниченности: «принужден был <...> съехать на обыкновенные европейские фразы». И заключительный урок оказался преподанным именно этой ограниченности: «Вот урок нашей русской насмешливости» [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Указ. труд. – С. 155].

Эпизоду встречи с Фазиль-ханом Пушкин придавал особое значение. Именно этим объясняется поисковая работа поэта в плане углубления его концептуального содержания, ведь он стал своего рода камертоном для художественной интерпретации темы «Восток – Запад» в произведении.

Художественно-смысловое содержание автопортрета Пушкина, который набросан на том же листе, что и стихотворение, становится не стилизацией, не игрой в экзотику, не карнавальным переодеванием. Это – изобразительный комментарий и к тексту стихотворения, и к той, сделанной через некоторое время, дневниковой записи, которой предстоит стать одним из самых важных эпизодов в будущем "Путешествии в Арзрум". Это их зрительный аккомпанемент, а в чем-то, может быть, и углубление их художественного смысла.

Смысл рисунка – явно концептуальный.

Придворный иранский стихотворец в бараньей папахе вначале вызвал у автора инерцию европейского снисходительного предубеждения и "российской насмешливости". Отсюда – попытка высокопарного, витиеватого, якобы восточного приветствия, которого уже через минуту Пушкин устыдился. Однако и после встречи он продолжает с досадой вспоминать и размышлять о своем промахе. Словно в приступе раскаяния пристраивает к своему автопортрету баранью шапку. Вместе со стихотворением рисунок оказывается неким образом-символом – символом побратимства поэтов России и Востока. Они словно поменялись шапками, и русский поэт обрел облик гармонического "кентавра", в котором сочетались воедино "восточное" и "западное". Не случайно в стихотворении автор и адресат не просто встретились, а соединились: «...Судьба соединила нас».

Соединение людей разных народов, конфессий, культур становится краеугольным камнем поэтического символа веры Пушкина.

Некоторые выводы по главе.

1. Наша гипотеза о том, что источник стихотворения «Не пленяйся бранной славой...» – «сквозной» сюжет персотпоркоязычной классической литературы, наиболее ярко представленной в поэме Алишера Навои «Фархад и Ширин», а вовсе не творчество Гафиза обоснована рядом доказательств, в том числе запросом и опубликованием в юбилейном сборнике «Пушкин и мир Востока» в Москве.

2. Приведены пять аргументированных фактов о том, что черновой вариант стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» посвящён М.Н. Волконской. Также убедительными фактами мы подкрепляем предположение, что поэтическая формула Саади «Иных уж нет, а те далече...», трижды использованная Пушкиным в различных произведениях, является паролем для «утаённой» любви поэта.

3. Гипотетическая реконструкция нами текста «потайного» стихотворения Пушкина «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...» позволяет предлагать публиковать его в собраниях сочинений поэта перед безусловным шедевром «На холмах Грузии...».

4. Случайная дорожная встреча Пушкина с персидским придворным поэтом Фазиль-ханом заняла особое место в движении его художественно-культурологических размышлений о взаимосближении Востока и Запада. Она имела для русского поэта ещё и большое духовно-концептуальное значение.

Материализованным результатом этой встречи стали два посвящения Фазиль-хану, полстраницы прозаического текста и несколько рисунков Пушкина. Слово «подвиг» в обращении к персидскому собрату по перу – это его участие в примирении и сближении России и Персии и призыв к сопряжению культур Востока и Запада.

В главе V. «На путях сближения народов, культур, цивилизаций» мы в контексте проблематики нашего исследования посчитали уместным вспомнить – правда, скорее по контрасту, чем по аналогии, – ставшее широко известным образное изречение Редьярда Киплинга, которое уже более века повторяется заинтересованными в этом политиками. Имеется в виду его известный афоризм – первая строка "Баллады о Западе и Востоке":

Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и вместе им не сойтись...

Академик М.П. Алексеев был убеждён в том, что для полного представления масштабов всеобъемлющего феномена Пушкина, следует соотнести этот феномен не только с различными, но и с одновременными явлениями мировой культуры [Алексеев М.П. Пушкин и Китай. – В кн.: Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 20]. Одновременными – значит не лишь хронологически одновременными Пушкину и предшествовавшими ему, но и с более поздними. Ведь значительность эстетического явления характеризуется и его долгожительством – долгодействием в новых исторических и культурных контекстах. В этом смысле Пушкин, как художественный феномен, оставался не метафорически, а фактически, объективно, современником на всем протяжении и девятнадцатого, и двадцатого веков, утверждал Л.А. Шейман [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Указ. труд. – С. 415].

Афоризм Киплинга, хотя он и возник полстолетия спустя после гибели Пушкина, может выступать как своего рода "фоновый" текст к пушкинскому лейтмотиву "Восток – Запад", в частности, и потому, что вобрал в себя и выразил в чеканной, лапидарной формуле те тенденции, которые развивались в западноевропейской культуре в творчестве корифеев романтизма, создававших свои вершинные произведения синхронно или почти синхронно с великим русским поэтом.

Как же Пушкин осмысливал и переживал эту проблему?

Рассмотренные в нашей работе и аналогичные им материалы свидетельствуют о том, что, когда в его произведениях речь шла о народах и их культурах, понятия "Восток" ("восточный") и "Азия" ("азиатский") часто тоже представляли у Пушкина как парные – и контрастные – к понятиям "Запад" ("западный") и "Европа" ("европейский").

И Пушкин, размышляя о культурах в их наиболее крупномасштабных измерениях, воспринимал Восток как особый мир, существенно иной, чем мир Запада. Для него это были два самоценных целостных единства. Две глобальные цивилизации, во многом резко отличающиеся друг от друга.

Поэт вникал в своеобразность облика каждого народа, привлекавшего его внимание. Вплоть до тонкостей самоназваний близкородственных этносов, как то имело место, когда он писал о казахах и кыргызах. Но отдельные народы, при всех их различиях, нередко выступали у него как

представители именно особого мира, каким был в его восприятии Восток. Говоря языком современной нам культурологини, то были представители "некоего цельно-единого культурно-исторического, религиозно-нравственного и психоментального комплекса" [Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – Избранное. – М.: "Прогресс"-Культура, 1995. – С. 3].

Так, характеризуя поэтический стиль, на который он ориентировался, когда создавал поэму "Бахчисарайский фонтан", Пушкин называет не конкретную национальную художественную традицию, а обобщенное культурно-эстетическое явление – "восточный слог": "Слог *восточный* был для меня образцом <...>". Обращаясь к Фазиль-хану, он говорит не о персидской поэзии, а, опять-таки, о восточной традиции: "Цветы фантазии *восточной*. Рассыпъ на северных снегах". В грузинской песне его привлекают также веяния восточной поэзии: "...в ней есть какая-то *восточная* бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство". Бытовые реалии Турции и некоторые особенности национальной психологии турок изображаются как репрезентативные вообще для восточного мира в целом: "Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный, *восточный* наряд".

Факт восприятия Пушкиным оппозиции "Восток – Запад" как, во многих своих проявлениях, исторически сложившейся мировой культурно-цивилизационной антитезы вряд ли кем-либо может быть подвергнут сомнению.

Однако, раскрывая "культурную самоценность каждой из двух зон человеческой цивилизации" [Ольденбург С.В. Статья без названия. – В кн.: Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Редколл.: М.А. Гаспаров и др. М.: Наука, 1982, с. 3], Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличающиеся от тех, какими двигались в поэтическом освоении "восточно-западной" проблематики корифеи современной ему и позднейшей западноевропейской культуры.

Восток для Пушкина «непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого» [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Указ. труд. – С. 420 – 421].

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не дает готового ответа на эти вопросы. Он ищет ответа и вовлекает читателя в этот трудный поиск.

Присмотримся к движению поисковой художественной мысли Пушкина в русле самого общего и болезненного вопроса "восточно-западной" темы. Л.А. Шейман отмечает, что едва ли не самый обширный абзац первой главы "Путешествия в Арзрум", занимающий почти целую страницу, содержит перечень тех сторон быта и образа жизни народов Северного Кавказа, которые сохранили наследие бесчеловечных нравов и обычаев средневековья.

Однако уже в самом начале Пушкин отмечает основную причину ненависти "немирных" кавказских горцев к пришельцам, явившимся к ним с огнем и мечом: "Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги". А завершается этот абзац раздумьями о тех средствах, "более нравственных, более сообразных с просвещением нашего века", которые побудили бы местных жителей "с нами *сблизиться*".

Начало и конец пушкинского абзаца не просто смягчают картину тех черт "черкесского" образа жизни, которые вызывают неприятие у автора путевых записок. Они хорошо объясняют предельный накал сложившегося противостояния и дают возможность читателю выслушать и другую сторону участников незатухающего конфликта. А кроме того – подводят читателя к поиску, совместно с размышляющим путешественником, некоторых перспектив выхода из создавшейся драматической ситуации.

В абзаце, о котором мы ведём речь, концентрированно воплощена характерная особенность авторской позиции, определяющей своеобразие художественной интерпретации Пушкиным темы Востока, обычно развиваемой им в русле проблематики встречи Востока с Западом. Особенность эту Л.А. Шейман назвал **перспективно ориентированным нравственно-эстетическим плюрализмом**. Подобный плюрализм (от лат. pluralis – множественный) предполагает художественное представление разных, часто противоположных точек зрения, разных оценок и образных призм при изображении одного и того же явления или ряда сходных явлений. Но – обязательно! – такое их представление, которое приоткрывает и перспективу движения поисковой авторской "чувствуемой мысли".

В анализируемом абзаце Пушкин ни в коей мере не настаивает на единственной истинности своих вариантов решения исключительно сложной проблемы. Он оговаривает предположительность своих соображений: "Должно *надеяться*...", "...*может* благоприятствовать...". Предлагаемые русским поэтом пути не отменяют и другие. Но то, к чему склоняется в большей мере автор, все-таки занимает в его тексте так называемую "сильную позицию". В данном случае – в конце абзаца.

Множественность точек зрения на один предмет в пушкинской поэтической картине мира, ее "полифоничность", вовлекают читателя в интеллектуально-эмоциональное сотворчество. Она открывает ему

неведомые глубины в явлениях и процессах реальной действительности. В наиболее сложных случаях она подводит к проблемам, не предоставляющим очевидных возможностей для однозначных решений, по крайней мере, в обозримый исторический период.

Но все-таки, в то же время, она побуждает к продолжению поиска. Отсюда – и множественность концептуальных толкований вершинных пушкинских шедевров. Причем каждая из наиболее серьезно обоснованных концепций может представляться достаточно убедительной.

Чрезвычайная сложность межэтнокультурных коллизий и тех условий, в которых складывался и развивался гений Пушкина, сказались на том, что некоторые из его интерпретаций этих коллизий испытали на себе воздействие факторов, обозначенных им в "Евгении Онегине" как "предрассудки вековые".

Однако, абсолютно преобладающей и в сфере, которая нас интересует, оказывалась та перспектива движения пушкинской художественной мысли, которая диктовалась его "леяющей душу гуманностью" [Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – В 13 т. – Т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 339]. «<...> Пушкин, – по Белинскому, – по самой натуре своей был существом любящим, симпатичным, готовым от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему "человеком"» [Там же. – С. 579].

Пушкинский перспективный плюрализм, как отмечает Шейман, помогал ему преодолевать привычные европоцентристские эстетические каноны и свои "инерционные" личные вкусы, открывая *путь к постижению и художественному воссозданию своеобразной красоты людей Востока*.

Таково, например, лирическое послание "Калмычке" (1829 г.). Как показали Д.К. Мотольская и К.И. Соколова, Пушкин раскрыл здесь сложный процесс движения души: от полускрываемого побуждения продолжить диалог с молодой девушкой, поразившей его своим непривычным для европейца обликом, – к ощущению и осознанию красоты естественности как подлинной человеческой ценности. В последующем движении лирического сюжета облик юной калмычки постигается через сравнение с воспитанной по-европейски светской красавицей – через перечисление того, что как будто разъединяет русского поэта и "степную Цирцею". "Но такое взаимоосвещение удивительно преображает то, с чем реально встретился, что видел и даже испытал поэт в калмыцкой кибитке".

"Появляются, – заключают исследовательницы, – возвышенные поэтические образы. Было: "Чуть-чуть... Меня *похвальная привычка* не увлекла...". Стало: "Мне *ум и сердце* занимали...". Было: "Твои глаза конечно узки, И плосок нос, и лоб широк". Стало: "Твой *взор и дикая краса*". В процессе лирического переживания то, что разъединяло, как это ни парадоксально, соединило поэта с калмычкой". Итог: образ калмычки – прекрасен! [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Указ. труд. – С. 432].

"Девушка была прекрасна, и она явно понравилась поэту, – утверждает В.З. Церенов. – И не просто понравилась: притягательной оказалась её человеческая суть. <...> С точки зрения калмыцкого этикета молодая хозяйка юрты приняла гостя в высшей степени любезно. Она не оставила без внимания ни один из его вопросов, отвечала на них прямо, без лукавства, с доброй сердечностью..." [Церенов В.З. Счастливый дар. "Калмыцкие нежности" А.С. Пушкина. – Элиста. ЗАОр "НПП "Джангар", 2012. – С. 36, 38].

Приведенный пример «помогает приблизиться и к пониманию специфики художественной системы ("метода", "большого стиля") Пушкина. Обычно система эта характеризуется как *реализм*. И не раз указывалось на то, что складывалась эта система, в значительной мере, в процессе художественного постижения мира Востока и становления пушкинского "западно-восточного синтеза". Нам, однако, уже доводилось писать, что в подобных характеристиках недостает конкретизирующего уточнения: какой же тип реализма предстает в пушкинских творениях? Сам Пушкин, как известно, именовал свою поэтическую систему, реализованную в "Борисе Годунове", "истинным романтизмом", а себя, как художника, – "поэтом действительности". Но во многих его шедеврах явственно просматриваются и традиции классицизма. "Границы между различными великими стилями, – замечает академик Д.С. Лихачев, – весьма нечетки, и великие произведения часто возникают именно в пограничной полосе..." [Цит. по: Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Указ. труд. – С. 432].

Вряд ли термин "реализм", как и другие универсальные литературоведческие понятия, может без конкретизирующих уточнений адекватно охарактеризовать своеобразие такого феноменального "пограничного явления" мировой культуры, как художественная система Пушкина. Л.А. Шейман, в частности, предлагал ранее использовать уже встречавшийся в специальной литературе термин *поэтический реализм* [Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Кыргыз, казах и другие народы Востока в мире Пушкина. – Бишкек: Фонд "Сорос-Кыргызстан" – Фирма "Айбек", 1996. – С. 89].

Не отрицал он и термин *высокий реализм*, который использовала Д.К. Мотольская, считая его более близким к существу пушкинского феномена, к его собственным *представлениям* о призвании искусства. Такое определение аналогично общепринятому термину "высокое Возрождение" – Ренессанс. А Пушкин, без сомнения, был и остается высшей из вершин в историческом развитии не только русской, но и мировой поэзии. Кроме того, пушкинская "поэзия действительности" не исключала, а напротив, включала в себя, в качестве одного из опорных эстетических первоначал, категорию *возвышенного (высокого)*.

Свое "воплощение представлений" о "мыслимых образах прекрасного, совершенного" Пушкин явил и на страницах, развивающих в стихах и в прозе

его размышления о человеке Востока, о восточной культуре, о коллизиях встречи Востока и Запада.

Один из основных лейтмотивов этих размышлений запечатлен в повторениях родственных слов *сблизить, сблизиться, сближение*. Пушкин прибегал к этим словам, когда писал о России как "восточной" стране по отношению к странам Западной Европы. Л.А. Шейман напоминает, что те же слова мы встречали в пушкинских набросках к описанию "аманатного дома" во Владикавказе, где содержались заложники – черкесские мальчики.

Как уже отмечалось, Пушкин не только прекрасно знал, но и писал, что экзотонимом "киргизы, киргизцы, киргиз-кайсаки" в современной ему России обычно именовали не подлинных кыргызов, а казахов. Но знал он и о существовании истинных, "алатооских" кыргызов ("алатай-киргызов", по П. И. Рычкову).

Однако для нас в данном случае особенно значим другой мотив.

Пушкин, по мнению Л.А. Шеймана, пожертвовал звучной аллитерацией из черного варианта стихотворения «Памятник»: "*Черкес, Киргизец и Калмык*". Но что получилось в итоге с точки зрения представительства народов и культурных ареалов в окончательном виде этой строфы "Памятника"?

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Два народа – финн и славянин – представляют здесь Европу. И также два народа – "тунгуз" и калмык – представляют Азию. Таким образом, Восток и Запад предстают здесь "на равных", поровну, как говорится – "50 на 50". Дело, конечно, здесь вовсе не в арифметике. Пушкин – поэт гармонии; и тут тоже торжествует гармония – гармония поэтическая, концептуальная, этнокультурная, глобально-цивилизационная.

В конце жизни, в "Песнях западных славян", Пушкин с особой теплотой писал о прекрасном обычае побратимства, или, как его называли балканские славяне, "братования".

Именно побратимством людей, народов, цивилизаций – "сближением" и "братованием" Запада и Востока – таким виделось ему желанное будущее родной страны и человечества, всего "подлунного мира".

И это, наверно, один из самых дорогих заветов, какие оставил нам гений Пушкина.

Выявленные Л.А. Шейманом факты о весьма заинтересованном освоении Пушкиным специальной востоковедческой литературы, в частности о казахах и кыргызах, могут быть осмыслены и в более широком плане. А именно – как один из факторов творческого развития поэта.

Эти факты – свидетельство того, что Пушкин достаточно рано, ещё до обращения к собственно учёному творчеству в качестве историка, начинает использовать *научные* методы не только для самообразования, но и для перехода к новому уровню литературной художественности.

Освоение ориентального, в том числе «киргизско-казахского», башкирского, калмыцкого материалов, стало одной из тех творческих лабораторий, в которых созревали и выкристаллизовывались важнейшие черты новой пушкинской художественной системы.

Мы уже отмечали, что с середины 60-х годов прошлого века академик И.С. Брагинский достаточно плодотворно исследовал «западно-восточный синтез» в творчестве Пушкина. К сожалению, учёный ограничился исследованием этого материала только на примере лирики поэта.

Между тем, по справедливому утверждению Л.А. Шеймана, этот синтез осуществлялся в творческой деятельности и Пушкина-поэта, и Пушкина-прозаика, и Пушкина-историка, и Пушкина-критика, и Пушкина-журналиста и всё это был один Пушкин, центральная творческая личность русской культуры своей (и не только своей!) эпохи. «Он, – по характеристике В.С. Непомнящего, – художественно осуществил «западно-восточный синтез» в его русской сути – не как синтез, а как единство» [Непомнящий Валентин. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. – М.: Сов. писатель, 1983. – С. 136. См. также. – С. 325 – 337, 355].

Такой «западно-восточный синтез» был одной из важнейших предпосылок общего художественно-культурного синтеза, воплощением которого стала творческая система зрелого Пушкина. Сам поэт именовал её «*истинным романтизмом*».

В советском литературоведении её характеризовали как *реализм* («*критический реализм*», «*французский русский классический реализм*»).

Л.А. Шейман считал, что ближе других к относительно адекватному определению сущности этой системы понятие *поэтический реализм*.

Осмысление своеобразия художественной системы («метода», «большого стиля») Пушкина в связи с проблематикой «Восток – Запад» свидетельствует о его «повороте» к *познавательной, исследовательской* (родовой) *тенденции* реализма. Что здесь мы имеем в виду?

Во-первых, это *осознание* и, порой, *прямая постановка вопросов*, относящихся к этой сфере – как первостепенно значительных для России и для самого поэта лично («Важный вопрос: что станет делать Россия...» – Письмо к Давыдову, 1821 год); «Славянские ручьи сольются ль в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос...» – «Клеветникам России», 1831 год; «Правда древнего Востока» – «Лукавый Запад» – «Стамбул гяуры нынче славят...», 1829 год.

Во-вторых, *художественный путь* поиска решения этих проблем:

1) через «выявление» особенностей характера человека Востока – в соотношении с характером человека Запада (прямое или «подразумеваемое») в экстремальных ситуациях, со временем – в «типических обстоятельствах»;

2) через эмоционально проникновенные размышления (лирического героя, раскрывающие и характер мыслящего и чувствующего автора, как русского человека-европейца, который тянется к Востоку, порой чувствуя себя причастным к нему, частью его);

3) через соотношение наличной действительности со своим идеалом (желаемым направлением в отношениях Востока и Запада). Причём идеал всё более соотносится с глубинными противоречиями и возможностями самой развивающейся действительности.

В-третьих, реализм Пушкина постепенно вызревает в романтизме, причём элементы романтизма и классицизма в преобразённо-обобщённом виде участвуют в синтезе новой художественной системы.

В-четвёртых, само становление реализма русского поэта в значительной мере происходит, осуществляется, протекает именно в процессе художественного освоения проблемы Востока, точнее – проблемы «Восток – Запад».

В-пятых, Пушкин чаще всего не предлагает однозначного ответа-решения, он вовлекает читателя в его поиск, а также акцентирует направление поиска, в данный момент преимущественно близкое лично ему; возможно – особо перспективное.

Эту новую художественную систему Пушкина, мы полагаем, следует называть «эвристическим реализмом». Именно данным термином, по нашему глубокому убеждению, можно в полной мере выразить суть этой системы, которая предполагает перманентный поиск поэтической истины, а также обращение, помимо других поисковых «моделей», к путям «проб и ошибок», с последующей возможной коррекцией творческих решений, которые были предпочтены ранее.

Предлагая к использованию данный термин, мы имеем в виду некоторую аналогию с *эвристикой* в философии, психологии, науковедении, педагогике. К эвристическим методам в этих науках обращаются в ситуациях, когда чисто логический способ решения проблем (основанный, например, на готовых алгоритмах) не даёт вполне удовлетворительного результата. Мы убеждены, что эвристический подход не только применим, но и глубоко закономерен в высокопроблемном художественном творчестве, подобном пушкинскому поиску в сфере коллизии «Восток – Запад».

Поэтому здесь всегда присутствуют:

– колебания Пушкина (мы показываем это на примере черновиков и переходов от одной «концептуальной позиции» к другой);

– его «противоречия» («Пересмотрел всё это строго, Противоречий очень много. Но их исправить не хочу...» «Евгений Онегин», гл. I, LX);

содержательно-эстетическая и культурологически-формальная потенциальная доступность иноязычного и инонационального текста в определенной мере может компенсировать существенные языковые «дыры» – известная «неопределённость» или, выражаясь точнее, «не – до – конца – определённость» идеи в отдельных его произведениях («Символ... дерзновенный» в «Бахчисарайском фонтане», «Олегов щит» и др.).

Всё указанное нами выше – не слабость, а сила Пушкина: это – промежуточные этапы его дерзновенного, осознанно рискованного, но всегда плодотворного и перспективного поиска.

А перспектива задаётся широким диапазоном пушкинского гуманистического идеала, в том числе – его готовностью, по В.Г. Белинскому, «от полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человеком»».

ВЫВОДЫ

1. В диссертационном исследовании мы доказываем, что в волшебно-фантастической поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» «скрытно» содержатся ориентальные детали, которые оставались до нас вне поля зрения предшественников – исследователей данного аспекта творчества великого русского поэта. К «невидимым тюркизмам» (О. Сулейменов), свидетельствующим об ориентальной языковой точности и чуткости юного автора поэмы, мы относим чётко дифференцированное употребление им в поэме «Руслан и Людмила» слов и соответствующих эпитетов, обозначающих головные уборы русских и восточных персонажей – *шлем, шапка, калтак*.

2. Поэма А.С. Пушкина и её основные персонажи, несмотря на слабое знание школьниками русского языка, а также немалый объём, отсутствие её в учебной программе школ с кыргызским языком обучения (не считая приюта), пользуются большой любовью нашей молодёжи. Это объясняется рядом причин: а) ярко выраженный восточный дух; б) типологическая созвучность восточным дастанам и, соответственно, поэмам кыргызского «малого эпоса»; в) генетическое родство имени и художественного характера главного героя пушкинской поэмы с персонажами тюркоязычного фольклора и средневековой литературы Востока. Можно утверждать, что ориентальная содержательно-эстетическая и культурологически повышенная потенциальная доступность иноязычного и инонационального текста в определённой мере может компенсировать существенные языковые трудности восприятия.

3. Примеры уважительного, в высшей степени этнотолерантного отношения А.С. Пушкина к хазарам и печенегам уже в «Руслане и Людмиле» (торжественно-поэтические слова-образы *дружина* и *рать*, сопровождаемые соответствующими эпитетами: *нежротимые, удавая, волнуясь, хлынули и потекли*), использование только строго нейтрального военного термина *неприятель* по отношению к турецкой армии, с которой воевала его страна, являются показательным критерием человеколюбия, которому неотступно следует в жизни и творчестве русский поэт. Это нравственно-культурное начало имеет принципиальное значение в комплексе современных

этнокультурных проблем нашего евразийского содружества. Пушкинский подход к художественному осмыслению подобных проблем не только впечатляющ, но и весьма поучителен.

4. На основе предположения о том, что в последнем «неясном» четверостишии стихотворения «Олегов щит» в иносказательной форме А.С. Пушкиным отражены дипломатические перипетии, приведшие к заключению Адрианопольского мира, мы предложили два варианта достаточно убедительного истолкования строк, более полутора десятилетия озадачивавших исследователей.

Первый вариант: щит Олега противодействует окончательной победе русской армии и делает это в интересах коалиции западных держав. Такое, на первый взгляд кажущееся весьма парадоксальным, истолкование зиждется на широко известной концепции норманского происхождения первых русских князей: Рюрика, Олега, Игоря, а также учёте того неопровержимого исторического факта, что скандинавские набеги на Европу, начиная с IX века, стали приводить к тому, что норманны начали окончательно обосновываться на территориях Франции, Англии, Германии, Нидерландов.

Второй, более предпочтительный, на наш взгляд, вариант объяснения «неясной» строфы: Олег ревнует своих потомков, пытающихся повторить его бранный путь, и тем самым – предотвращает их поражение. Здесь следует иметь в виду, что слово «ревновать» в словоупотреблении Пушкина означает и «горячо заботиться о ком- или о чём-нибудь». С учётом этого «стон ревнивый» князя Олега – его боль и тревога о судьбе российского войска, которая под Стамбулом была на волосок от разгрома, о чём свидетельствует история и, собственно, говорит и сам Пушкин в «Путешествии в Арзрум».

5. «Стамбул гяуры нынче славят...» – ещё одно «восточное» стихотворение Пушкина, написанное им в октябре 1830 года от имени янычара Амина-Оглу. Недостаточность проявленности смыслового содержания этого тоже «загадочного» шедевра отмечалась многими исследователями.

Первые две части стихотворения позволяют нам не только «отодвинуть» время его действия на добрый десяток лет назад от 15 июня 1826 года, когда произошло восстание янычар; но и утверждать, что они содержат в себе значительный отпечаток тогдашних западно-восточных дипломатических взаимоотношений, являясь своеобразным продолжением стихотворений «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...».

Вторая же, центральная часть стихотворения, весьма напоминает содержание патетического воззвания султана Махмуда II (хатти-шериф, 31 марта 1821 года) к своему народу в ответ на ширящийся пожар греческого восстания. Это объясняется тем, что во время появления этого обращения султана Пушкин находился в южной ссылке близ северных границ тогдашней

Османской империи, готовился принять участие в войне за освобождение греков, изучал турецкий язык...

По нашему мнению, элементом условно-поэтического отождествления себя с вымышленным турецким автором является и выбор поэтом его имени. По этимологии и эмоциональному ореолу имени «Янычар Амин-Оглу» и «Александр Сергеевич сын» достаточно близки.

Рассмотрение нескольких стихотворений из пушкинского «Кавказского цикла» конца 1820-х – начала 1830-х годов в свете специфики военно-политической ситуации тех лет, во взаимосвязях этих стихотворений между собой и в русле становления художественной концепции Востока в творчестве Пушкина, позволяет утверждать, что для Пушкина кавказско-восточные, в том числе турецкие, мотивы – выражение его внутренней духовной сущности.

6. Не споря с предшественниками по поводу наличия ориентального источника пушкинского стихотворения «Не пленяйся бранной славой...», мы доказываем, что этот источник – вовсе не творчество Хафиза, а тот «сквозной» сюжет персотюркоязычной классической литературы, что наиболее ярко был выражен в бессмертной поэме Алишера Навои «Фархад и Ширин».

7. Стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» сам Пушкин при жизни успел опубликовать дважды и оба раза сопроводил подзаголовком: «Отрывок». Читатели, а затем и специалисты уже более 190 лет спорят, кому же посвящено это стихотворение: М.Н. Волконской, В.Ф. Вяземской или Н.Н. Гончаровой. Мы привели в исследовании пять в достаточной степени аргументированных фактов того, что данное произведение было посвящено именно М.Н. Волконской.

Здесь же мы высказываем и предположение, что поэтическая формула Саади «Иных уж нет, а те далече...», содержательно углублённая и использованная Пушкиным в различных вариациях трижды, все три раза использовалась в произведениях, к которым так или иначе была причастна «утаённая» любовь поэта М.Н. Волконская («Бахчисарайский фонтан», «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...», «Евгений Онегин»).

Строка одного из величайших поэтов Востока, преобразованная вдохновением Пушкина, навсегда сочеталась в его духовном мире с памятью о любимой женщине и близких ей людях. А нам она позволяет приблизиться к воссозданию вероятного истинного облика «утаённого» шедевра пушкинской лирики, ибо естественно замыкает его стройную композицию и содействует углублению в его художественный смысл.

8. Гипотетически восстановленный и реконструированный нами текст «потайного» стихотворения великого русского поэта позволяет предлагать в дальнейшем в собраниях сочинений А.С. Пушкина перед безусловным шедевром «На холмах Грузии...» помещать не уступающее ему по

художественному уровню и содержательной глубине произведение «Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...».

9. Короткая дорожная встреча Пушкина с персидским придворным поэтом Фазиль-ханом заняла особое место в «путевых картинах» кавказского путешествия поэта, а также в движении его художественно-культурологических размышлений о взаимосоприкосновении Востока и Запада.

Материализованным результатом этой встречи явились два неоконченных стихотворения, полстраницы прозаического текста в «Путешествии в Арзрум» и несколько рисунков Пушкина. Но эта встреча имела для русского поэта ещё и большое духовно-концептуальное значение.

10. Слово «подвиг» Пушкин употреблял в значении «самоотверженный, тяжёлый труд, дело, важное предприятие». Во втором обращении к Фазиль-хану это – и подразумеваемое участие в примирении и сближении двух государств – России и Персии. Это – и ожидаемый подвиг сопряжения двух поэтических культур: культуры «цветов фантазии восточной» и культуры песен «северных снегов». Такое сопряжение культур Востока и Запада было делом всей жизни и самого Пушкина. Это была та миссия, которую русский поэт обозначил однажды как «достойный подвиг цивилизации».

11. Известный автопортрет Пушкина в «персидской шапке» (папахе) имеет концептуальное значение: вместе со стихотворным посвящением Фазиль-хану рисунок становится неким образом-символом – символом побратимства поэта России с поэтом Востока. Не случайно в первом неоконченном посвящении Фазиль-хану автор и адресат не просто встретились, а соединились:

Судьба соединила нас.

Соединение людей разных народов, конфессий, культур всё более становилось краеугольным камнем поэтического символа веры Пушкина.

12. В работе мы предлагаем для более адекватной характеристики сущности принципиально новой художественной системы, выработанной Пушкиным в русле «западно-восточного синтеза», ввести в научный оборот новый термин «эвристический реализм» по некоторой аналогии с *эристикой* в философии, психологии, науковедении, педагогике. Этот термин представляется нам более удачным, чем используемые до настоящего времени понятия «истинный романтизм», реализм («критический реализм», «ранний русский классический реализм»), «документальный реализм» и «поэтический реализм».

СПИСОК РАБОТ,

опубликованных в научных сборниках и изданиях,
в том числе в источниках, рекомендованных ВАК КР

Монографии

1. Шейман, Л.А., Соронкулов, Г.У. Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. Монография [Текст] / Л.А. Шейман, Г.У. Соронкулов // Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1996. – 112 с., илл.; 2-е изд. Бишкек: «Айбек», 1997. – 112 с.; 3-е изд., пересмотр. и дополн.– Бишкек: ФПОИ, 2004. – 118 с., илл.

2. Шейман, Л.А., Соронкулов, Г.У. «Пушкин и его современники: Восток – Запад»: Очерки / Под общ. ред. Л.А. Шеймана [Текст] / Л.А. Шейман, Г.У. Соронкулов // Бишкек: ФСК, 2000. – 540 с., илл.

3. Соронкулов, Г.У. Кыргызы и лейтмотив «Восток – Запад» в художественной аксиологии Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // Б.: Maxprint, 2012. – 190 с., илл.

Статьи

1. Соронкулов, Г.У. К проблеме формирования этноtolерантности школьников [Текст] / Г.У. Соронкулов // Тез. Всесоюз. научной конф. «Педагоги за национальное возрождение: вопросы истории, теории и практики». – Бишкек, 1991. – С. 31-34.

2. Соронкулов, Г.У. Об опоре на художественные тексты в интересах формирования этноtolерантности [Текст] / Г.У. Соронкулов // Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1991. – № 4. – С. 31-35.

3. Соронкулов, Г.У. Пушкин, Гафиз... и Алишер Навои? [Текст] / Г.У. Соронкулов // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана, 1997. – № 5-6. – С. 83-98.

4. Соронкулов, Г.У. «Благословен твой подвиг новый...» (Пушкин и Фазиль-хан) [Текст] / Г.У. Соронкулов // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана, 1998. – № 1. – С. 115-129.

5. Соронкулов, Г.У. Мария Волконская и сентенция Саади (Об одном утаенном стихотворении А.С. Пушкина) [Текст] / Г.У. Соронкулов // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана, 1998. – № 4. – С. 112-130.

6. Соронкулов, Г.У. Афоризм Саади в строках, вдохновленных Марией Волконской [Текст] / Г.У. Соронкулов // Тезисы междунар. научной конф. «Традиции и новации в культуре университетского образования» – Бишкек, 1998. – С.129-135.

7. Соронкулов, Г.У., Шейман, Л.А. Пушкин, Гафиз... и Алишер Навои? (Об одном из возможных источников стихотворения «Не пленяйся бранной славой...») [Текст] / Г.У. Соронкулов, Л.А. Шейман // В кн.: Пушкин и мир Востока. – Москва: Наука, 1999. – С.199-211.

8. Соронкулов, Г.У. «Игралища таинственной игры...» (О двух поэтических откликах А.С. Пушкина на заключение Адрианопольского мира)

[Текст] / Г.У. Соронкулов // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана, 1999. – № 3 - 4. – С. 132-143.

9. Соронкулов, Г.У. Военно-политические события на Востоке конца 1820-х годов и стихотворения А.С. Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // Мектеп-школа, 1999. – № 3. – С. 11-24.

10. Соронкулов, Г.У., Шейман, Л.А. К творческой истории и реконструкции текста стихотворения А.С. Пушкина "Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла..." [Текст] / Г.У. Соронкулов, Л.А. Шейман // Рус. яз. и лит. в шк. Кыргызстана, 2003. – № 1. – С. 82-96.

11. Соронкулов, Г.У., Шейман, Л.А. Парадигма "Восток – Запад" в мире Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов, Л.А. Шейман // Вестник ОшГУ, 2006. – № 5. – Серия филол. наук. – С. 7-8.

12. Соронкулов, Г.У. Ещё о спонтанной языковой чуткости Пушкина («Скрытые» ориентализмы в поэме «Руслан и Людмила») [Текст] / Г.У. Соронкулов // Материалы IV Междунар. научн. конф. «Диалог культур: поэтика локального текста». – Горно-Алтайск (РФ). – 2014. – С. 64-69.

13. Соронкулов, Г.У. Пушкин: кыргыз жергесинде [Текст] / Г.У. Соронкулов // Тил, адабият жана искусство маселелери, 2014. – № 1. – 132-140 бб.

14. Соронкулов, Г.У. «Стамбул гяуры нынче славят...» – «Перл... во многом загадочный» [Текст] / Г.У. Соронкулов // Известия НАН КР, 2015. – № 1. – С. 40-47. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27446193>

15. Соронкулов, Г.У., Шалыгина, Н.А. «Любезный хан...» – «Товарищ милый...» (Хазарский мотив и пушкинская этнотолерантность) [Текст] / Г.У. Соронкулов, Н.А. Шалыгина // Сб. материалов IX Европейской конф. по лит., филол. и языкознанию (Вена, Австрия), 2015. – С. 153-159. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25009541>

16. Соронкулов, Г.У. «Любовь и дружба старых лет...» (И вновь о пушкинской этнотолерантности) [Текст] / Г.У. Соронкулов // Межд. научно-практ. конф. «Евразийский экономический союз и социогуманитарное сотрудничество» (Бишкек). – «Вестник КРСУ», – 2016. – С. 195-202.

17. Соронкулов, Г.У. «Стамбул гяуры нынче славят...» – отражение западно-восточных военно-политических коллизий [Текст] / Г.У. Соронкулов // Наука XXI века: открытия, инновации, технологии. – Сб. Межд. науч. конф. – Часть 3. – (Смоленск, РФ). – ООО «НОВАЛЕНСО». – 2016. – С. 187-191. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26278409>

18. Соронкулов, Г.У. Янычар Амин-Оглу = Александр Сергеев Сын? (И вновь о стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...») [Текст] / Г.У. Соронкулов // Наука XXI века: открытия, инновации, технологии. – Сб. Межд. науч. конф. – Часть 3. – (Смоленск, РФ). – ООО «НОВАЛЕНСО». – 2016. – С. 191-196. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26278413>

19. Соронкулов, Г.У. «...В горах Кавказа судьба соединила нас» (А.С. Пушкин и персидский поэт Фазиль-хан) [Текст] / Г.У. Соронкулов // «Русский язык и межкультурная коммуникация». – (Пятигорск, РФ). – 2016. – № 1 (15). – С. 201-204. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29000105>

20. Соронкулов, Г.У. Афоризм Саади и Мария Волконская (Об адресате и гипотетической реконструкции стихотворения «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла...») [Текст] / Г.У. Соронкулов // Болдинские чтения 2017: Сб. статей. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – С. 19-27.

21. Соронкулов, Г.У. Об адресате стихотворения А.С. Пушкина «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла...» [Текст] / Г.У. Соронкулов // В сб.: Новые направления и концепции в современной науке. – Материалы межд. науч.-практ. конф. – Часть 2. – Смоленск: ООО «Новаленсо». – 2016. – С. 62-66. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27603396>

22. Соронкулов, Г.У. О гипотетической реконструкции стихотворения А.С. Пушкина «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла...» [Текст] / Г.У. Соронкулов // В сб.: Новые направления и концепции в современной науке. – Материалы межд. науч.-практ. конф. – Часть 2. – Смоленск: ООО «Новаленсо». – 2016. – С. 67-70. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27603397>

23. Соронкулов, Г.У. Отражение западно-восточных военно-политических коллизий в стихотворении А.С. Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» [Текст] / Г.У. Соронкулов // «Русский язык и межкультурная коммуникация». – (Пятигорск, РФ). – 2016. – № 1 (15). – С. 105-108.

24. Соронкулов, Г.У. А.С. Пушкин и янычар Амин-Оглу: история прообраза и этимология имени [Текст] / Г.У. Соронкулов // «Русский язык и межкультурная коммуникация». – (Пятигорск, РФ). – 2016. – № 1 (15). – С. 123-126. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28981700>

25. Соронкулов, Г.У. Интерес А.С. Пушкина к «киргизцам» как один из факторов творческого развития [Текст] / Г.У. Соронкулов // Вестник Башкир. гос. пед. универ. им. М. Акмуллы. – 2017. – № 1 (41). – С. 48-52.

26. Соронкулов, Г.У. «...Гениальное всегда отчасти загадочно» (О стихотворении А.С. Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...») [Текст] / Г.У. Соронкулов // Вестник Башкир. гос. пед. универ. им. М. Акмуллы. – 2017. – № 1 (41). – С. 53-59.

27. Соронкулов, Г.У. Художественная концепция Востока в аксиологии А.С. Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // «Русский язык и межкультурная коммуникация». – (Пятигорск, РФ). – № 1(16). – 2017. – С. 75-80.

28. Соронкулов, Г.У. Парадигма "Восток-Запад" в художественном мире А.С. Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // «Русский язык и межкультурная коммуникация». – (Пятигорск, РФ) № 1(16). – 2017. – С. 89-94.

29. Соронкулов, Г.У. К проблеме «эвристического реализма» А.С. Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // В сб.: «Болдинские чтения 2018». – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 51-57.

30. Соронкулов, Г.У. А.С. Пушкин на древней земле киргизов [Текст] / Г.У. Соронкулов // Путь науки. – (Волгоград, РФ). – 2018. – № 7 (53). – С. 65-70.

31. Соронкулов, Г.У. Вновь к проблеме западно-восточного синтеза в творчестве А.С. Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // Путь науки. – (Волгоград, РФ). – 2018. – № 7 (53). – С. 71-75.

32. Соронкулов, Г.У. Из истории кыргызской Пушкинианы [Текст] / Г.У. Соронкулов // Наука и образование: новое время (Сетевое издание). – (Чувашская Республика, РФ). – 2018. – № 5.

33. Соронкулов, Г.У. Художественная концепция Востока в аксиологии А.С. Пушкина [Текст] / Г.У. Соронкулов // Наука и образование: новое время (Сетевое издание). – (Чувашская Республика). – 2018. – № 6.

РЕЗЮМЕ

диссертационной работы Соронкулова Гульжигита Умаровича
«Проблема встречи цивилизаций Востока и Запада
в художественной аксиологии А.С. Пушкина»
на соискание учёной степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.03 – литература стран зарубежья (русская
литература)

Ключевые слова: аксиология, Восток – Запад, встреча цивилизаций, западно-восточный синтез, лейтмотив, ориентализм, поэтическая система, пушкинистика, русская литература, эвристический реализм, этнотолерантность,

Объект исследования: высокозначимые аспекты отдельных пушкинских произведений “Кавказского цикла” (1829 – 1836 гг.), связанные с восточной или “восточно-западной” тематикой. Мотивы, связанные с художественным постижением и воссозданием жизни и культуры нерусских народов и цивилизаций.

Цель исследования: Доказать, что А.С. Пушкин в своих творческих поисках культурной самоценности каждой из двух зон человеческой цивилизации – Востока и Запада – нащупывал и прокладывал свой путь, заметно отличный от тех, какими двигались в поэтическом освоении “восточно-западной” проблематики корифеи современной ему и позднейшей западно-европейской культуры.

В основе научной методологии диссертации лежат давно утвердившиеся на практике основополагающие принципы историко-культурного, сравнительно-исторического, типологического и герменевтического литературоведения.

Полученные результаты и научная новизна. Впервые в пушкиноведении нами (а) выделены и проанализированы “невидимые тюркизмы” в поэме “Руслан и Людмила”, остававшиеся доселе вне поля зрения исследователей; (б) предложены варианты истолкований “неясного” четверостишия стихотворения “Олегов щит” и “загадочного” стихотворения “Стамбул гяуры нынче славят...”; (в) приведены доказательства того, что источник стихотворения “Иф Гяфиза” – вовсе не интерпретация лирики Хафиза, а “сквозной” сюжет персотюркоязычной литературы и, в первую очередь, поэмы А. Навои “Фархад и Ширин”; (г) осуществлена гипотетическая реконструкция текста стихотворения “Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...”, что позволяет считать его самостоятельным произведением; (д) вводим в научный оборот новый термин “эвристический реализм” для определения принципиально новой художественной системы, выработанной А.С. Пушкиным в русле “западно-восточного синтеза”.

Сфера использования и практическое применение. Итоги данного исследования предназначаются для формирования культурно-образовательной политики, для филологического и культурологического освоения академической наукой и университетской образовательной практикой. Результаты и выводы могут быть использованы при переработке и составлении программ, учебников, учебно-методических пособий, при чтении лекционных курсов по русской литературе, разработке соответствующих спецкурсов и спецсеминаров, при проведении уроков литературы.

Резюме

Соронкулов Гульжигит Умаровичтин 10.01.03 – чет элдер адабияты (орус адабияты) адистиги боюнча филология илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын алуу үчүн “А.С. Пушкиндин көркөм аксиологиясындагы Чыгыш жана Батыш цивилизацияларынын кесилишүү көйгөйү» деген темада жазылган диссертациясынын РЕЗЮМЕСИ.

Түйүндүү сөздөр: аксиология, Чыгыш – Батыш, цивилизациялар карым-катышы, батыш-чыгыштык синтез, лейтмотив, ориентализм, поэтикалык система, пушкинистика, орус адабияты, эвристикалык реализм, этнотолеранттуулук

Изилдөөнүн объектиси: Пушкиндин чыгармаларында өзгөчө “Кавказ цикли” (1829 – 1836-жж.) поэмасында чыгыш же “чыгыш-батыштык” тематика менен байланыштуу маанилүү аспект. Орус элинен башка элдердин жашоосу, алардын маданиятынын жана цивилизациясынын түзүлүшү тууралуу көркөм андоо мотивдери.

Иштин максаты: Заманбап жана эски батыш-европалык маданияттын корифейлеринин “Чыгыш – Батыш” проблематикасын поэтикалык өздөштүрүүдө кандай өнүккөндүгүн, алардан кескин айырмалап, Пушкин өзүнүн чыгармачылык изденүүлөрүндө адамзаттык цивилизациянын эки аймагынан – Чыгыш жана Батыштын баалуулуктарын сезип, тапкандыгын далилдөө

Диссертациянын илимий методологиянын негизи адабият таануунун мурдатан практикада калыптанган, бекитилген герменевтикалык жана типологиялык, салыштырма-тарыхый, тарыхый-маданий принциптер аркылуу ишке ашат.

Иштин илимий жаңылыгы жана келип чыккан жыйынтыктар: (а) Пушкинтаанууда буга чейин изилдөөчүлөр тарабынан иликтенбеген “Руслан и Людмила” поэмасындагы “көрүнбөгөн түркизмдер” аныкталып, талданды; (б) “Стамбул гяуры мынче славят...” деген “табышмактуу” ыры жана “Олегов щит” ырындагы “ачык эмес” төрт сапты түшүнүү варианттары көрсөтүлдү; (в) “Из Гафиза” ырынын башаты Хафиздин лирикаларынын интерпретациясы эмес экендиги, перс-түрк тилдүү классикалык адабияттын, биринчи кезекте, А. Навоинин “Фархад жана Ширин” поэмасынын “өтмө” сюжети экендигинин далилдери берилди; (г) “Всё тихо – на Кавказ идёт ночная мгла...” деген ырынын тексти биздин гипотетикалык реконструкциясы боюнча өз алдынча чыгарма экендигин аныктоого болот; (д) Пушкин иштеп чыккан “батыш-чыгыш” синтезинин алкагында жаңы көркөм системаны принципаалдуу аныктоо үчүн “эвристикалык реализм” жаңы терминин илимге киргизүү сунуш кылынды.

Пайдалануу чөйрөсү жана практикалык колдонуу: Изилдөөнүн жыйынтыктары университеттердин билим берүү практикасында жана академиялык илимде филологиялык, маданий өздөштүрүү үчүн маданий билим берүү саясатын калыптандырууга багытталат. Изилдөөнүн жыйынтыктары орус адабияты боюнча лекциялык курстарды окууда, окуу-усулдук куралдарды, окуулуктарды, программаларды түзүүдө, орус адабияты боюнча атайын курстарды жана семинарларды иштеп чыгууда колдонулат.

Resume

Soronkulov Guljigit Umarovich “The Problem of Meeting of civilizations of East and West in the artistic axiology of A.S. Pushkin” a dissertation for competition for academic degree of doctor philological science

Speciality: 10.01.03 - Literature of the people of foreign countries: Russian literature

Keywords: axiology, East-West, meeting of civilizations, the West-East synthesis, leitmotif, orientalism, poetic system of Pushkin, Pushkin studies, Russian literature, heuristic realism, ethnic tolerance.

The object of the research: highly significant aspects of the individual works of Pushkin “Caucasian cycle” associated with the eastern or “east-west” theme (1829 - 1836). Motives related to the artistic understanding and recreating the life and culture of other, non-Russian peoples and civilizations.

The aim of the research: To prove that A.S. Pushkin in his creative search of cultural self-worth of each of the two zones of human civilization-East and West - groped and made his way, noticeably different from those, how to moved in a poetic mastering “East-West” problematics leading figures of his day, and latest Western - European culture.

The basis of the research methodology: the dissertation has long-established on the practice in the fundamental principles of the historical-cultural, comparative-historical, typological and hermeneutic literature studies.

The results and research novelty: For the first time in Pushkin studies have (a) identified and analyzed “ hidden türkisms ” in the poem “Ruslan and Ludmila” remained out of view of researchers up to now; (b) offered the variants of interpretations “unclear” quatrain poem “ Oleg's shield ” and “mysterious” poem “Istanbul Giaours now praise”; (c) given convincing evidence that the source of the poem “From Hafiz” - not interpretation of the Hafiz lyrics, and “through” the story persian-turkic language classical literature and, firstly, the poem of A. Navoi “Farkhad and Shirin”; (d) carried out a hypothetical reconstruction of the text of poem “All is quiet, the Caucasus is a night haze” that allows us to consider it an independent work; (e) propose to enter into scientific circulation a new term “heuristic realism”; to define a fundamentally new artistic system, produced by A.S. Pushkin in line with “east-west fusion”.

Scope of use and practical application: The results of this study are intended to form cultural and educational policies for the philological and cultural development of academic research and university educational practice. Results and conclusions can be used in the processing and preparation of curricula, textbooks, teaching aids, reading lectures on Russian literature, the development of relevant special courses and special seminars, during literature lessons.

Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Объем 3,5 п.л. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
MAXPRINT
САЛМАСЫ

Типография «Maxprint»
Адрес: 720045, г. Бишкек, ул. Ялтинская 114
Тел.: (+996 312) 36-92-50
e-mail: maxprint@mail.ru